

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

НАЙО

МАРШ

РОКОВАЯ ОШИБКА

Родерик Аллейн

Найо Марш

Роковая ошибка

«Издательство АСТ»

1978

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Марш Н.

Роковая ошибка / Н. Марш — «Издательство АСТ»,
1978 — (Родерик Аллейн)

ISBN 978-5-17-145342-8

Сибил Фостер, владелица одного из самых элегантных поместий в Верхнем Квинтерне, отправляется в роскошный отель «Ренклюд» отдохнуть и поправить здоровье под наблюдением врача, где... умирает при невыясненных обстоятельствах. Эксперты единодушны: смерть наступила от передозировки лекарств. Неужели эксцентричная дамочка специально уехала от друзей и родственников за город, чтобы покончить с собой? Тем более, как выясняется, мотивов для самоубийства у нее было предостаточно – ее мучила изнурительная болезнь, а дочь отказалась выходить замуж за подходящую партию. Однако старший суперинтендант Родерик Аллейн сомневается, что в этом деле все так однозначно, и чувствует, что нужно копать глубже.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-145342-8

© Марш Н., 1978
© Издательство АСТ, 1978

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Найо Марш

Роковая ошибка

Ngaio Marsh
GRAVE MISTAKE

Серия «Золотой век английского детектива»

Перевод с английского И. Дорониной

Серийное оформление и компьютерный дизайн В. Половцева

Печатается с разрешения литературных агентств Aitken Alexander Associates Ltd. и The Van Lear Agency LLC.

© Ngaio Marsh Ltd, 1977, 1978

© Перевод. И. Дорониной, 2019 Школа В. Баканова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Найо Марш (1895–1982) – ярчайшая звезда «золотого века» английского детектива, автор 32 романов и множества пьес.

Ее имя стоит в одном ряду с такими признанными классиками жанра, как Агата Кристи и Дороти Л. Сэйерс.

За свои литературные достижения она была удостоена звания дамы-командора ордена Британской империи.

Джералду Ласселлу

Глава 1

Верхний Квинтерн

– «Где верный меч, копье и щит?..»¹ – пропели дамы из Верхнего Квинтерна.
– «Где стрелы молний для меня?..» – всплыла в хор тонким дискантом достопочтенная миссис Фостер.
– «Пусть туча грозная примчит мне колесницу из огня...» – поставила свое условие жена викария, поправив пенсне на носу.

Миссис Джим Джоббин пела вместе со всеми. Она обладала колоратурным сопрано², а также чувством юмора, поэтому ей вдруг стало интересно: что стала бы делать миссис Фостер со стрелами молний, как прелестная мисс Престон из Киз-хауса управилась бы с копьем и каково было бы жене викария мчаться в колеснице из огня? Или, если уж на то пошло, кто бы мог сказать о таком работающем существе, как она сама, что оно способно уклониться от возведения ни более ни менее как Иерусалима здесь, в Верхнем Квинтерне, или где бы то ни было еще «в зеленой Англии родной»?

Тем не менее мелодия была приятна, а слова выразительны, хотя и немного вычурны.

Только что они зачитали протокол последнего собрания, а теперь предстояли соревнования и краткая речь викария, который посетил Рим безо всяких предубеждений.

Миссис Джим, как ее всегда называли в округе, наметанным взглядом окинула гостиную дома миссис Фостер. Она сама сегодня утром «навела здесь блеск», а миссис Фостер расставила цветы, щедрой рукой нарвав белых камелий больше, чем посмела бы, знай, что этот Макбрайд, раздражительный приходящий садовник, бдительно наблюдает за ней.

Вспомнив о своей роли председательницы, миссис Джим встряхнулась и особым, «председательским» голосом выразила уверенность, что все присутствующие хотят разделить горе миссис Блэк в связи с ее недавней тяжелой утратой. Дамы зашебетали, а маленькая невзрачная женщина, сидевшая в углу, безмолвно кивнула в знак признательности.

Затем началось соревнование. Оно состояло в том, что нужно было с помощью зашифрованных подсказок отгадать и вставить в пустые клеточки имена присутствующих дам. Миссис Джим играла не без удовольствия, но не сказать чтобы очень успешно. Она отгадала собственную фамилию, которая, как она отметила, была зашифрована весьма прозрачно, но не совсем точно как «не работающая вне дома». Ее фамилия Джоббин действительно на слух совпадала с выражением «работа *внутри*»³, но на деле сама она как раз всегда трудилась «на стороне». Два раза в неделю помогала по хозяйству миссис Фостер из Квинтерн-плейса, постоянной прислугой у которой была Берил, племянница миссис Джоббин. Дважды в неделю ходила в поместье Мардлинг на подмогу постоянному штату прислуги. И дважды в неделю, в том числе по субботам, помогала мисс Престон в Киз-хаусе. После этих работ она возвращалась домой как раз вовремя, чтобы успеть приготовить чай детям и ужин своему прожорливому мужу. А когда мисс Престон изредка устраивала вечеринку, миссис Джоббин помогала на кухне – отчасти ради дополнительного заработка, но главным образом потому, что симпатизировала мисс Престон.

¹ Эта и три последующие цитаты – из гимна Уильяма Блейка «Иерусалим» в переводе С. Я. Маршака. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

² Колоратурное сопрано – самый высокий женский голос, который отличается особой подвижностью, способен исполнять разные пассажи (колоратуры).

³ Jobbin (англ.): job – работа, место службы; in – предлог «в».

Миссис Фостер, по ее мнению, была немного с придурью – она постоянно выискивала у себя болезни и очертя голову бросалась во все предприятия, чтобы показать, как она жаждет быть полезной деревне.

Тем временем викарий, бросив самоуверенный взгляд на Ватикан, направлялся к Форуму. Миссис Джоббин, сделав над собой усилие, смиренно последовала за ним.

Верити Престон, вытянув длинные ноги в вельветовых брюках, смотрела на свои ботинки и недоумевала: зачем она здесь? Ей было пятьдесят лет, но выглядела она молодо. Достигалось это без каких бы то ни было ухищрений: скорее всего, дух ее, будучи заперт внутри тела среднего возраста, отказывался стареть. Еще пять лет тому назад она работала в постановочной части театра. Потом ее отец, видный кардиолог, умер и оставил ей Киз-хаус с достаточным количеством денег в придачу, чтобы Верити могла преспокойно жить и писать пьесы, что она и делала время от времени с переменным успехом.

Она родилась в Киз-хаусе, предполагала, что в Киз-хаусе и умрет, так что в силу соседского существования постепенно приходила к принятию ритма жизни Верхнего Квинтерна, который, несмотря на войну, бомбы, кризисы и инфляции, не так уж сильно изменился со времен ее детства. Основное отличие состояло в том, что – за исключением мистера Николаса Маркоса, человека нового в здешних краях, – местное общество теперь было гораздо беднее и, опять же в отличие от мистера Маркоса, не держало живущую в доме прислугу. Круг помощниц по хозяйству ограничивался миссис Джим, ее племянницей Берил да дюжиной менее известных женщин, и спрос на них был велик. Чтобы сохранить за собой их услуги, миссис Фостер шла на хитрости, считалось даже, что она прибегает к обману, подкупая их. Между собой кое-кто называл ее Пираткой.

Миссис Джим, по общему признанию, была категорически неподкупна. Миссис Фостер как-то предприняла попытку, но столкнулась с реакцией, заставлявшей ее краснеть каждый раз, когда она об этом вспоминала. Вернуть миссис Джим удалось только униженными мольбами, под предлогом сурового обострения люмбаго⁴.

Миссис Фостер была нестигаемым ипохондриком, и в версию люмбаго никто ни за что бы не поверил, если бы Макбрайд, садовник в Верхнем Квинтерне, не признался, что однажды застал ее на дорожке собственного сада, ползущей к дому на четвереньках в своем лучшем твидовом костюме, шляпе и перчатках. Вид у нее в тот момент был совершенно убитый.

Викарий тем временем дошел в рассказе уже до аэропорта Леонардо да Винчи и, сообщив, что визит в Рим дал ему обильную пищу для размышлений, закончил свою речь на задумчиво-экуменической⁵ ноте.

Наконец объявили, что чай подан, и все радостной толпой двинулись в столовую.

– Привет, Сиб, – сказала Верити Престон. – Могу я чем-нибудь помочь?

– Дорогая! – воскликнула миссис Фостер. – Буду чрезвычайно признательна. Не разольешь ли ты чай? Я просто не в состоянии. У меня такой артрит в запястьях!

– Должно быть, тебе очень больно.

– Честно признаться, *слишком* больно. Глаз ночью не сомкнула, и еще это собрание, а Пру унеслась наблюдать за соревнованиями дельтапланеристов (Прунелла была дочерью миссис Фостер), так что от нее никакой помощи. И в довершение всех несчастий этот жуткий Макбрайд объявил, что увольняется. Только представь себе!

– Макбрайд увольняется? Но почему?

– Говорит, что болен. Но если хочешь знать мое мнение, все это – его упрямство и несговорчивость.

⁴ Люмбаго (от *лат.* *lumbus* – поясница) – острая боль (прострел) в нижней части спины (пояснице).

⁵ Экуменизм – учение и движение за сближение и объединение различных христианских конфессий.

– Ты с ним поссорилась? – догадалась Верити, ловко наполняя чашки, которые дамы на подносах относили в столовую.

– Вроде того. Из-за камелий, которые я нарвала сегодня утром.

– Но он еще здесь?

– Не спрашивай меня. Возможно, уже смылся. Разве только оплату он еще не получил. Я не удивлюсь, если он сейчас дуется в своем сарае с инструментами.

– Надеюсь, на меня его эмбарго не распространится.

– О боже, нет, конечно! – воскликнула миссис Фостер не без ехидства. – Ты же его обожаемая мисс Престон. В затуманенных глазах Макбрайда ты, дорогая, не можешь сделать ничего неправильного.

– Хотелось бы тебе верить. И что ты теперь собираешься делать, Сиб? Давать объявление? Или пойдешь с повинной?

– Ни за что! Никогда в жизни! О, миссис *Блэк*! – воскликнула миссис Фостер с медоточивой сердечностью. – Как хорошо, что вы пришли. *Где* хотите сесть? Вон там вам будет удобно? *Отлично*. А кто у нее умер? – пробормотала она, когда миссис Блэк удалилась. – По какому поводу мы выражали ей сочувствие?

– Муж.

– А, ну тогда все в порядке. Я не перестаралась.

– Брат приехал побыть с ней.

– Но он, конечно, не садовник, я полагаю.

Верити поставила чайник и уставилась на нее.

– Ты не поверишь, – сказала она, – но мне кажется, я слышала, как кто-то – миссис Джим, что ли, – говорила, что он как раз садовник. Да, я уверена. Садовник.

– Вот это да! Интересно, насколько хороший. Господи, *какой* это будет удар по самолюбию Макбрайда. Как ты думаешь, уместно ли сейчас взяться за миссис Блэк? Просто чтобы выяснить.

– Ну...

– Дорогая, ты меня знаешь. Я буду сама тактичность.

– Не сомневаюсь, – сказала Верити.

Она проводила взглядом миссис Фостер, решительно пробивавшуюся сквозь толпу. Столовая была слишком просторной, чтобы хоть что-то из ее слов можно было услышать, но Верити без труда догадалась, что миссис Фостер осыпала комплиментами викария – весьма симпатичного мужчину – и перекинулась добродушными шутками с односельчанами. Затем она стала пробираться к миссис Блэк, которая скорбно сидела на стуле в дальнем конце комнаты. Пухлые кисти миссис Фостер безвольно свисали с запястий, а прическа из розовых волос колыхалась туда-сюда.

Верити увлеченно следила за встречей и последовательной сменой выражения лиц: глубочайшее сострадание, расширенные от удивления фарфорово-голубые глаза, сочувственное покачивание головой, и наконец обе дамы удалились из столовой, несомненно отправившись в будуар Сибил. А вот теперь, подумала Верити, она возьмется за дело всерьез.

Внезапно она почувствовала, что за ней самой наблюдают.

Миссис Джим Джоббин смотрела на нее с таким оживленно-приветливым выражением лица, что Верити захотелось ей подмигнуть. Ей вдруг пришло в голову, что из всей присутствовавшей компании сельчан – местной знати, обывателей, торговцев, – живущей в соответствии с вековыми классовыми традициями, – именно миссис Джим вызывала у нее наибольшее и подлинное уважение.

Налив себе чашку чаю, Верити, поскольку именно этого от нее и ждали, начала расхаживать по столовой, присоединяясь то к одному, то к другому разговору. По натуре она была

женщиной застенчивой, но работа в театре научила ее справляться с этой особенностью характера. Более того, она почувствовала интерес к людям.

«Мисс Престон, – сказал ей мистер Николас Маркос во время их первой и единственной встречи, – мне кажется, что вы рассматриваете нас как сырой материал». И стрельнул на нее своими черными глазами. Хотя это замечание было вариацией идиотского «только не вставляйте меня в свою пьесу», оно не вызвало у нее привычного раздражения. На самом деле Верити в то время и впрямь обдумывала идею состряпать черную комедию из верхне-квинтернских «ингредиентов».

Она подошла к французскому окну, из которого открывался вид на лужайки, тропинки, розарии и очаровательную дальнюю панораму кентской части Уилда⁶.

Стоя поодаль от остальных, она пила чай и с удовольствием взирала на перспективу за окном. Ей пришло в голову, что английский пейзаж как никакой другой окрашен в геральдические цвета собственной истории. «Именно *там*, – подумала она, – земля, камень, деревья, трава, каждый слой дерна, каждый листик, каждый стебелек будут неизбежно оставаться сами собой – пока не рассыпятся прахом. Для *этого* что тростник, что дуб – все едино». Она нашла такую мысль утешительной.

Переведя взгляд с дальней перспективы на передний план, она увидела человеческий зад, возвышавшийся над живой самшитовой изгородью розария.

Эти брюки невозможно было не узнать: из грубого сукна, бесформенные, землистые, пожалованные кем-то или купленные на какой-нибудь давно забытой дешевой распродаже поддержанных вещей. «Должно быть, Ангус Макбрайд скрючился над очередным бесценным саженцем», – подумала Верити. Или простил Сибил Фостер и с типичной прямолинейностью равнинных шотландцев отрабатывает оплаченное время.

– Дивный вид, не правда ли? – раздался голос викария. Верити не заметила, как он подошел.

– Дивный. Хотя в настоящий момент я смотрела на личность у самшитовых кустов.

– Макбрайд, – узнал викарий.

– Судя по брюкам, он.

– Я могу точно сказать. Когда-то они были моими.

– Вас не удивляет, – после затянувшейся паузы спросила Верити, – что он уже очень давно стоит в одной позе?

– Теперь, когда вы обратили на это внимание, пожалуй.

– Он не шевелится.

– Видимо, замер в восхищении перед каким-нибудь чудом природы, – пошутил викарий.

– Конечно, может быть и так. Но он стоит, сложившись в поясе пополам, как двухфутовая линейка.

– Можно и так сказать.

– Сегодня утром он уведомил Сибил, что увольняется по состоянию здоровья.

– Может, его, беднягу, скрутил приступ, – предположил викарий, – и он зажал голову между колен? – Несколько секунд спустя он добавил: – Пойду посмотрю.

– Я с вами, – сказала Верити. – Все равно хотела полюбоваться розарием.

Они вышли из дома через французское окно⁷ и пересекли лужайку. Солнце выглянуло из-за облаков, и приятный ветерок коснулся их лиц.

Когда они приблизились к самшитовой изгороди, викарий, в котором было больше шести футов росту, странным голосом произнес:

– Как-то чудно.

⁶ Уилд (англ. Weald) – лесистый район Англии, в который входят части графств Кент, Суссекс, Суррей, Гэмпшир.

⁷ Французскими окнами называются панорамные окна-двери, выходящие на балкон или террасу.

– Что именно? – спросила Верити. Бог весть почему сердце у нее тяжело толкнулось в ребра.

– У него голова засунута в тачку. Боюсь, – сказал викарий, – он потерял сознание. Но Макбрайд потерял больше. Он оказался мертв.

II

Он умер, как сообщил доктор, от сердечного приступа, и состояние его уже около года было таково, что это могло случиться в любой момент. Скорее всего, когда Макбрайд поднял тачку за рукоятки, его прихватило, качнуло головой вперед, и он уткнулся лицом прямо в компост, которым была наполнена тачка.

Верити Престон была искренне опечалена. Макбрайд часто бесил ее и иногда бывал груб, но они разделяли старомодную любовь к розам и уважали друг друга. Когда она заболела гриппом, он принес ей примулы в банке из-под варенья и, прислонив лестницу к наружной стене, поставил их на подоконник. Она была тронута таким вниманием.

Непосредственным результатом смерти садовника стало то, что все кинулись за услугами к вновь прибывшему брату миссис Блэк. Сибил Фостер оказалась первой, ведь она уже протоптала дорожку к его сестре. На следующее же утро после смерти Макбрайда – что, по мнению Верити Престон, было неприличной поспешностью – она для закрепления успеха явилась в коттедж миссис Блэк под предлогом выражения соболезнований. Верити сочла такой визит смехотворным и неуместным, особенно если учесть, что мистер Блэк скончался три недели назад и только накануне общие неискренние соболезнования были в преувеличенных выражениях высказаны вдове. Сибил Фостер даже хватило наглости принести белую камелию.

Вернувшись домой, она позвонила Верити.

– Моя дорогая, – восторженно воскликнула она, – он *идеален*. Так мил со своей ужасной сестрицей и *так* обходителен со мной. Называл меня «мадам», что больше нежели... впрочем, неважно. Сразу понял, что мне подойдет, и сказал, что чувствует, как я понимаю «красоту цветиков». Он шотландец.

– Ясно, – сказала Верити.

– Но он *совершенно* не такой шотландец, как Макбрайд. Горец, я полагаю. Так или иначе – он превосходен.

– И сколько он берет?

– Немного больше, – ответила Сибил и поспешно добавила, – но, моя дорогая, это же совсем *другое дело*.

– Рекомендации?

– Сколько угодно. Они у него в багаже, который еще не пришел. Наверное, багаж очень велик.

– Стало быть, ты его наняла?

– Дорогая! А как ты думаешь? По понедельникам и четвергам. На целый день. Потом он скажет мне, нужно ли ему приходить чаще, что вполне вероятно. В конце концов, мой сад был постыдно запущен – знаю, ты со мной, разумеется, не согласишься.

– Я бы все же постаралась побольше узнать о нем.

– Ты бы лучше поторопилась. На него сейчас начнется охота. Я слышала, что мистеру Маркосу в Мардлинге нужен помощник. Правда, не думаю, что он согласится быть на подхвате.

– Как его зовут?

– Кого?

– Твоего садовника.

– Ну, ты же сама только что сказала: у него и профессия, и фамилия – Гарденер⁸.

– Ты шутишь?

Сибил раздраженно вздохнула в трубку.

– Значит, фамилия садовника – Садовник? – не поверила своим ушам Верити. – Он именуется через дефис?

– Очень смешно.

– Да брось ты, Сиб!

– Ну ладно, моя дорогая, можешь насмехаться сколько угодно. Погоди, пока ты его не увидишь.

Верити увидела его три дня спустя вечером. Коттедж миссис Блэк находился неподалеку от Киз-хауса, на той же улице, и она подошла к нему в половине седьмого. Миссис Блэк как раз в это время поила брата чаем. Она была косноязычной маленькой женщиной, смиренно поддерживающей образ новоиспеченной вдовы. Вероятно, чтобы утвердиться в этом статусе, она говорила хнычущим голосом.

Верити услышала работающий на задней веранде телевизор и извинилась за то, что, видимо, явилась не вовремя. Назвав брата «мистером Гарденером», миссис Блэк без уверенности сказала, что это неважно и она сейчас передаст, что к нему пришли, и удалилась.

Стоя в комнате у окна, Верити увидела свежевскопанные клумбы перед домом и мысленно поинтересовалась, не мистера ли Гарденера рук это дело.

И вот он вошел. Огромный рыжеволосый мужчина с ухоженной золотистой бородой, крупным ртом и широко поставленными голубыми глазами, чуть-чуть косившими, что отнюдь его не портило. В целом – привлекательная фигура. Откинув голову назад и слегка вбок и немного прищурившись, он сверху вниз вопросительно посмотрел на Верити.

– Я не споймал ваше имя, мэм, – сказал он.

Верити повторила, как ее зовут, и он, протянув «угу-у, ага-а», предложил ей сесть.

Она ответила, что не задержит его надолго, и спросила, не согласится ли он приходить к ней раз в неделю присматривать за садом.

– Должно, это дом на этой же улице, совсем рядом? Там славный садик, мэм. В нем есть то, что я называю индивид-д-далын'стью. У вас там около ахра земли? И сад?

– Да. Но большая часть земли – просто выгон, она сдается в аренду, – пояснила Верити и разозлилась на себя за извиняющийся, почти раблепный тон.

– Угу-у, ага-а, – снова протянул Гарденер, лучезарно глядя на нее с высоты своего роста. – И ясно видно, что леди-хозяйха очень им дор-рожит.

Верити что-то смущенно пробормотала.

Потом они перешли к делу. Прибыл багаж Гарденера. Он предъявил блестящие рекомендации от, как выразилась Сибил, важных нанимателей, фотографии их роскошных садов и заявил, что привык иметь как минимум одного парнишку, работающего под его руководством, но отдает себе отчет в том, что приехал поддержать сестру – бедная девочка – в ее глубоком горе и обязан немного умерить свой пыл, «угу-у, ага-а».

Затем они перешли к обсуждению оплаты. Мистер Гарденер запрашивал почти вдвое больше, чем Ангус Макбрайд, и Верити подумала: следует ему сказать, что она даст ответ утром. Она уже чуть было не произнесла это вслух, когда он уточнил, что свободной осталась только пятница, и она в панике поспешила согласиться. Неудивительно, подумала Верити, что Сибил так торопилась.

Он сказал, что будет очень рад поработать у нее и что не сомневается: они поладят. Невольно создавалось впечатление, будто он предпочитал работать за смехотворную плату у

⁸ По-английски Gardener означает «садовник».

того, кто ему симпатичен, чем у какого-нибудь неприятного ему миллионера или аристократа, сколько бы тот ни был готов платить.

На этой ноте они расстались.

Верити отправилась назад по аллее, сопровождаемая ароматами и звуками весеннего вечера. Она убеждала себя, что может позволить себе услуги Гарденера, что он высококвалифицированный специалист и что ей пришлось бы кусать себе локти, если бы она не наняла его, а обратилась к другому, абсолютно некомпетентному, но единственному оставшемуся садовнику в округе.

Однако, войдя в ворота и проследовав к дому по пышно распускающейся липовой аллее, она, будучи человеком здравомыслящим, признала, что мистер Гарденер вызвал у нее неприязнь.

Не успев открыть входную дверь, она услышала телефонный звонок. Это была Сибил, которой не терпелось узнать, успела ли Верити нанять Гарденера. Убедившись, что дело сделано, она напустила на себя самодовольный тон, словно она сама одержала своего рода триумф.

Верити часто удивлялась, как так случилось, что они с Сибил стали вроде бы такими близкими подругами. Разумеется, они знали друг друга всю жизнь, и в детстве у них была одна гувернантка. Но потом, когда Верити жила в Лондоне, а Сибил, уже будучи молодой вдовой, вышла замуж повторно, за состоятельного, но не оказавшегося долгожителем биржевого маклера, они виделись редко. И только после того, как Сибил вновь овдовела, оставшись с Прунеллой и в высшей степени проблемным пасынком от первого брака на руках, они восстановили оборванные нити былой дружбы. Откровенно говоря, между ними было мало общего.

Их дружба на самом деле напоминала что-то вроде стойкого многолетника, оживающего снова в тот момент, когда этого меньше всего ждешь.

Сравнение из области садоводства пришло Верити на ум, пока Сибил безудержно восторгалась Гарденером. Как выяснилось, в тот день он начал работать у нее и – боже мой, дорогая, сразу стала видна *разница!* «Какое у него *воображение!* И как *добросовестно и усердно* он работает», – продолжала та свои излияния, между тем как Верити подумала, что все же бедная старушка Сибил и впрямь слегка с придурью.

– А ты не находишь его шотландское произношение *очень* обаятельным? – поинтересовалась вдруг Сибил.

– А почему у его сестры он отсутствует?

– Кто, дорогая?

– Шотландский акцент.

– Господи, Верити, откуда мне знать? Наверное, потому, что она переехала на юг и вышла замуж за кентца. У Блэка было типично кентское произношение.

– Это правда, – миролюбиво согласилась Верити.

– А у меня новость.

– В самом деле?

– Никогда не догадаешься! Приглашение. В Мардлинг, ни больше ни меньше, – сказала Сибил голосом персонажа костюмированной салонной комедии.

– В самом деле?

– На ужин. В следующую среду. Он звонил сегодня утром. Совершенно неофициальное мероприятие, полагаю, но в старомодной традиции, как в классических романах. Мы ведь *уже встречались*. Когда он предоставлял Мардлинг для благотворительной садовой вечеринки в пользу больницы. Внутри дома никто не входил, разумеется, но мне рассказывали, дорогая, что туда вбухали кучу денег – все отремонтировано и заново оформлено, от чердака до подвала. Ты ведь там была, не правда ли? На той вечеринке в саду.

– Да.

– Ну конечно. Будет весьма любопытно. Ты не находишь?

- Мне он не звонил, увы, – покривила душой Верити.
- А я надеялась, что и тебя позовут, – еще больше слукавила Сибил.
- Меня – нет. Зато у тебя будет возможность наесться до отвала.
- Я не уверена, что это будет собственно *вечеринка*.
- То есть никого, кроме тебя?

– Ах, моя дорогая, ну что ты! Пру вернулась. Она где-то познакомилась с его сыном и была приглашена – ему в пару, полагаю. Ну что ж, – произнесла она бодрым голосом, – посмотрим-посмотрим.

- Желаю хорошо провести время. Как твой артрит?

– Ох, не спрашивай. Ужасная пакость, но я учусь с этим жить. А что еще можно сделать? Не артрит – так мигрень.

- Я думала, доктор Филд-Иннис дал тебе какое-то лекарство от мигрени.

– Безнадежно, моя дорогая. Мне кажется, это за пределами возможностей Филд-Инниса. *К тому же, не буду скрывать*, он стал очень бесцеремонным.

Верити вполуха слушала знакомые жалобы. За последние годы через дом Сибил прошла целая вереница семейных врачей, но ее изначальный энтузиазм неизменно угасал, и все заканчивалось крайним недовольством. Верити иногда думала, что подруга не попала в руки какого-нибудь ловкого шарлатана только потому, что таковой ей еще не подвернулся.

– ...и я решила, – продолжала тем временем Сибил, – пожить недельки две в «Ренклоде». Это место всегда помогает мне встряхнуться.

- Ну и почему же ты туда не едешь?

- Мне хочется быть *здесь*, пока мистер Гарденер будет приводить мой сад в порядок.

- Значит, он уже «мистер Гарденер»?

– Верити, он *действительно* превосходен. К тому же я вообще ненавижу это снобистское подчеркивание классовых различий. В отличие от тебя, судя по всему.

– Да я готова называть его хоть герцогом Плаза-Торо⁹, если он поможет мне избавиться от сорняков.

– Ну, мне пора, – категорично заявила вдруг Сибил, словно Верити удерживала ее. – Никак не могу решить: ехать мне в «Ренклюд» или нет.

«Ренклюд» был астрономически дорогостоящим заведением – отелем с собственным постоянным доктором и комплексом услуг для чрезмерно пекущихся о своем здоровье мнимых больных. Им навязывали убийственно суровую диету для снижения веса, одновременно стимулируя аппетит обязательными энергичными прогулками по весьма пересеченной местности. Если Сибил решит все-таки поехать туда, Верити придется в какой-то момент навестить ее, преодолев около двадцати миль по намертво забитой транспортом дороге, чтобы разделить с подругой обед: обезжиренный суп, бурда из печенки и помидоров и гарнир из грибов, на которые у нее была чудовищная аллергия.

Не успела Верити положить трубку, как телефон зазвонил снова.

– Черт, – выругалась она. Ей никак не давали усестись перед телевизором и приступить к холодной утке с салатом.

Энергичный мужской голос поинтересовался, она ли это, и, убедившись, что разговаривает с той, кого искал, представился Николасом Маркосом.

– Может быть, я не вовремя? – спросил Маркос. – Вы, наверное, смотрите телевизор или собираетесь ужинать?

- Еще не совсем.

⁹ Комический герой одноименного стихотворения Уильяма Гилберта.

– Но почти, как я догадываюсь. Поэтому буду краток. Не отужинаете ли вы у меня в следующую среду? Я весь день до вас безуспешно дозваниваюсь. Будьте пайнкой, соглашайтесь. Придете?

Он говорил так, словно они были с ним старыми друзьями, и Верити, привыкшая к подобному типу общения в театре, ответила:

– Да, приду. С удовольствием. Благодарю. В котором часу?

III

О Николасе Маркосе в Верхнем Квинтерне было мало что известно. Он считался сказочно богатым вдовцом, финансистом, причем в разговорах о нем неизбежно упоминалась нефть. Когда поместье Мардлинг выставили на продажу, он купил его и к моменту приглашения Верити на ужин жил там наездами уже около четырех месяцев.

Мардлинг был уродливым сооружением. Его построили в середине Викторианской эпохи на месте бывшего особняка времен короля Якова. Дом был большой, странно выкрашенный – словно обсыпанный перцем – и в высшей степени неудобный, он не шел ни в какое сравнение с изысканным Квинтерн-плейсом – усадьбой Сибил Фостер. Единственное, что можно было сказать в пользу Мардлинга, так это то, что, несмотря на безобразный вид, он выглядел посвоему внушительным, как снаружи, так и внутри.

Подъехав, Верити увидела «Мерседес» Сибил, припаркованный в ряду с другими автомобилями. Парадная дверь отворилась, не успела она подойти к ней, и на пороге возникла фигура старомодного дворецкого.

Снимая пальто, Верити отметила, что даже самый уродливый холл можно спасти красивыми вещами. Мистер Маркос задрапировал большую часть покрытых нелепой резьбой стен коврами дымчатых тонов. Стены терялись где-то в вышине, переходя в почти невидимую снизу галерею, и уступали господствующее место полотну, висевшему над огромным камином. Что это была за картина! На портрете эпохи кватроченто¹⁰ был изображен властный мужчина в полный рост, облаченный в пурпурный плащ, верхом на крутозадой строевой лошади. Мечом всадник указывал на уютный тосканский городок.

Верити была так потрясена портретом, что не заметила, как у нее за спиной хлопнула дверь.

– О! – воскликнул Николас Маркос. – Вам понравился мой спесивый всадник? Или вы просто удивлены?

– И то, и другое, – ответила Верити.

Его рукопожатие оказалось быстрым и небрежным. Хозяин дома был одет в зеленый бархатный пиджак. Волосы темные, коротко остриженные и вьющиеся на затылке. Лицо болезненно-землистое, черные глаза. Рот – с тонкими губами, чрезвычайно решительный, как подумала Верити, – под узкой полоской усов, казалось, противоречил почти «плюшевому» общему впечатлению.

– Это Уччелло? – поинтересовалась Верити, снова поворачиваясь к картине.

– Мне хотелось бы так думать, но это спорный случай. Эксперты позволили считать автора лишь «принадлежащим к школе».

– Невероятно интересно.

– Не правда ли? Рад, что вам понравилось. И, кстати, счастлив, что вы пришли.

На Верити накатил приступ смущения, какие иногда случались с ней.

– О, приятно слышать, – пробормотала она.

¹⁰ Кватроченто – общепринятое обозначение итальянского искусства XV века (период Раннего Возрождения).

– За столом будет девять человек: мой сын Гидеон и некий доктор Бейзил Шрамм, который еще не приехал, остальных вы знаете – миссис Фостер с дочерью, викарий (его *половина* нездорова), а также доктор и миссис Филд-Иннис. Идемте же присоединимся к ним.

По воспоминаниям Верити, гостиная в Мардлинге была огромным нескладным помещением, загроможденным мебелью и всегда холодным. Однако сейчас она очутилась в комнате, окрашенной в бело-голубые тона, тепло мерцающей в свете камина, гостеприимно-элегантной.

Вальяжно расположившись на диване, Сибил в полную силу демонстрировала свою женственность, и это говорило о многом. Волосы, лицо, пухлые ручки, драгоценности, платье и – если подойти достаточно близко – аромат духов – все это представляло собой ингредиенты некоего экзотического пудинга. Она махнула Верити миниатюрным носовым платочком и состроила лукавую гримаску.

– Это Гидеон, – представил сына мистер Маркос.

Волосы у молодого человека были даже темнее, чем у отца, и он поражал своей красотой. «О боже, настоящий Адонис», – отозвалась о нем Сибил, а позднее добавила, что есть в нем «нечто неправильное», ее, мол, не проведешь, она такое чувствует сразу, пусть Верити запомнит ее слова. А когда Верити попросила Сибил объяснить, что та имеет в виду, ответила, что это неважно, но она всегда это *знает*. Верити подумала, что она тоже поняла, в чем дело. Сибил с дьявольским упорством добивалась, чтобы ее дочь Прунелла приняла ухаживания наследственного пэра с неправдоподобной фамилией Свинглтри¹¹, и испытывала неприязнь к любому привлекательному юноше, который появлялся в поле ее зрения.

Гидеон, молодой человек на вид лет двадцати, имел хорошие манеры и уравновешенный характер. Его не слишком длинные черные волосы были безупречно ухожены. Как и отец, он был в бархатном пиджаке. Единственным намеком на экстравагантность была сорочка с рюшами и шейным платком вместо галстука. Она придавала завершающий штрих его невыносимо романтическому облику, но абсолютно естественное поведение Гидеона помогало сгладить впечатление.

Сейчас он разговаривал с Прунеллой Фостер, которая очень напоминала свою мать в том же возрасте: восхитительно хорошенькая и невероятная болтушка. Верити никогда не могла понять, о чем говорит Прунелла, так как та имела привычку разговаривать почти шепотом. При этом она часто кивала и загадочно улыбалась, потому что это было модно; одета она была в дорогие тряпки, которые имели такой вид, будто частично были сшиты из лоскутного покрывала. Из-под этого, предположительно вечернего, наряда выглядывали грубые ботинки.

Доктор Филд-Иннис был истинным спасением для всех в Верхнем Квинтерне. Младший сын бригадного генерала, он вместо военной избрал медицинскую карьеру и женился на женщине, которая иногда выигрывала на скачках, но чаще терпела поражение.

С викарием мы уже встречались. Звали его Уолтер Клаудесли, и служил он в очень красивой старинной церкви, насчитывавшей теперь, как ни печально, всего около двадцати прихожан, хотя некогда их число доходило до трехсот.

«В целом, – подумала Верити, – это вполне предсказуемый верхне-квинтернский званный ужин, правда, с непредсказуемым хозяином и в необычной обстановке».

Все пили коктейли с шампанским.

Сибил, сверкая, рассказывала мистеру Маркосу, как он умен, и захлебывалась от восторга от его дома. Верити не переставал удивлять ее талант в разговоре с мужчинами делать самые заурядные замечания так, будто бы они содержали некий шаловливый намек. Она жестом пригласила мистера Маркоса сесть рядом с ней на диван, но он, судя по всему, не заметил этого и остался стоять. «Не сомневаюсь, – подумала Верити, – потом она скажет мне, что он прекрасно умеет подать себя в обществе».

¹¹ Swingletree (*англ.*) – от swingle (холостяк, ведущий веселую жизнь) и tree (дерево).

Стоя на коврике перед камином, мистер Маркос с удовлетворением наблюдал за своими гостями.

– Очень мило, – сказал он. – Мое первое квинтернское «мероприятие». На самом деле это нечто вроде крестин дома, не правда ли? Как чудесно, что вы смогли прийти, викарий.

– Разумеется, я благословляю его, – излишне самодовольно изрек викарий. Он с удовольствием приканчивал уже второй коктейль.

– И кстати, состав гостей не ограничится только квинтернцами. Должен прибыть еще кое-кто. Надеюсь, он не слишком запоздает. Это человек, с которым я познакомился в Нью-Йорке, некто Бейзил Шрамм. Я нахожу его, – мистер Маркос сделал небольшую паузу, и странная улыбка заиграла на его губах, – весьма интересным. Он позвонил мне сегодня утром совершенно неожиданно, сообщил, что собирается практиковать где-то в наших краях и приедет сегодня вечером. Мы обнаружили, что его путь будет пролегать через Верхний Квинтерн, и я спонтанно пригласил его на ужин. Он немного нарушит баланс за столом, но, надеюсь, никто не поставит мне это в упрек.

– Американец? – спросила миссис Филд-Иннис. Голос у нее был хриплый.

– По рождению – швейцарец, кажется.

– Он будет кого-то замещать или собирается открыть постоянную практику? – поинтересовался доктор Филд-Иннис.

– Последнее, полагаю. В каком-то то ли отеле, то ли доме престарелых, то ли санатории. «Рен-что-то».

– Не в «Ренклоде» ли? – воскликнула Сибил, всплеснув руками.

– Вот-вот, я же чувствовал, что название напоминает мне о несварении¹². Конечно, в «Ренклоде», – подтвердил мистер Маркос.

– Так вот куда он направляется, – произнес доктор Филд-Иннис.

Этому совпадению, если можно его так назвать, было уделено большое внимание. Потом разговор перешел на садовников. Сибил взволнованно представила присутствующим свою находку. Мистер Маркос принял вид *важного господина*, и когда Гидеон спросил, не наняли ли они этого нового человека, небрежно ответил, что наняли, но он еще не знает его имени. Верити, которая в душе была совершенно аполитична и с виноватым видом прохаживалась справа налево и обратно, почувствовала, как в ней закипает ярость. Она заметила, что мистер Маркос смотрит на нее так, словно видит насквозь.

Он пододвинул к ней свой стул.

– Мне очень понравилась ваша пьеса, – сказал он. – Думаю, на настоящий момент это ваша лучшая вещь.

– В самом деле? Спасибо.

– Очень умно с вашей стороны уравнивать проницательность воспитанностью. Вот только я хотел спросить...

Он с большим пониманием говорил о ее пьесе, и Верити вдруг пришло в голову, что в Верхнем Квинтерне не было ни одного человека, с которым она когда-либо обсуждала свою работу, и сейчас она чувствовала себя так, словно произносила правильные реплики в каком-то «неправильном» театре. Поймав себя на том, что слишком горячо говорит о собственном сочинении, она осеклась.

– Простите, я разговаривалась на профессиональные темы.

– И что? Что в этом плохого? Особенно если ваша профессия – из области искусства.

– А ваша?

¹² Greengage (англ.) – ренклад, слива-венгерка, чернослив. Считается, что при чрезмерном употреблении она способна вызывать вздутие живота и запоры.

– О, – вздохнул мистер Маркос, – моя – тоска зеленая. – Он взглянул на часы. – Шрамм опаздывает-таки. Боюсь, заблудился в кентском Уилде. Не будем его ждать. Скажите мне...

И он снова погрузился в обсуждение пьесы. Вошел дворецкий. Верити ждала, что он объявит – обед, мол, подан, но вместо этого он торжественно произнес:

– Доктор Шрамм, сэр.

Когда доктор Шрамм вошел в гостиную, Верити показалось, что весь мир как-то сдвинулся. У нее пересохло во рту.

– А ведь с вами мы уже встречались, – сказал доктор Шрамм, когда Николас Маркос подвел его к Верити. – Какое-то время назад.

IV

«Если быть точным, двадцать пять лет назад», – подумала Верити. Нелепо, почти смехотворно было спустя двадцать пять лет чувствовать себя выбитой из колеи из-за его появления.

– В таких случаях говорят: мир тесен, – заметил доктор Шрамм.

Он любил делать подобные замечания. И всегда точно так же посмеивался при этом, поглаживая усы.

«А ведь поначалу он меня не узнал, – подумала Верити. – Будет мне наукой».

Доктор Шрамм в сопровождении мистера Маркоса перешел к камину и с небольшим перерывом осушил два бокала. До Верити донеслись его объяснения по поводу того, что он пропустил поворот на Верхний Квинтерн.

Но почему «Шрамм»? – терялась она в догадках. Мог бы взять двойную фамилию, если «Смит» недостаточно хороша для него. И «доктор»? Значит, он в конце концов все же получил диплом.

– ...очень трудная местность, – говорила между тем – и, видимо, уже давно – миссис Филд-Иннис.

– Да, очень! – излишне горячо согласилась Верити и была награждена недоумевающим взглядом.

Наконец всех позвали к столу.

Верити боялась, что они могут оказаться рядом, но после недолгих колебаний – а может, ей это только показалось – мистер Маркос посадил Шрамма между Сибил и доктором Филд-Иннисом, которому было назначено место справа от Верити, слева сел викарий. Сам мистер Маркос устроился справа от Сибил. Стол был круглым.

Во время ужина Верити вполне справлялась с собой. Викарий всегда был хорошим собеседником, но в силу необходимости, а также по собственной воле склонным к воздержанности, так что под непривычным воздействием вина язык у него немного развязался. Доктор Филд-Иннис тоже пребывал в разговорчивом настроении. Он блистал анекдотами о дерзких проделках своих студенческих дней.

На дальнем от него конце стола доктор Шрамм, чей бокал наполнялся уже трижды, оживленно болтал с Сибил Фостер, как будто не обращая внимания на доктора Филд-Инниса и Верити. Склонившись к Сибил, он охотно смеялся над тем, что она рассказывала, и между ними установилась атмосфера легкого флирта и взаимопонимания. Верити почувствовала груз воспоминаний и боль давно заживших ран. Это была его обычная манера поведения, когда он хотел показать, что его интересует другая женщина. Он демонстрировал эту манеру, сидя в театре во втором ряду партера и продолжая смеяться, когда все остальные уже замолкали, чтобы она, Верити, и актриса, на которую он якобы положил глаз, обратили на него внимание. Верити чувствовала, что даже теперь, двадцать пять лет спустя, каким бы идиотизмом это ни казалось, он устраивал это представление для нее.

И она знала, хоть и не смотрела в их сторону, что Сибил пустила в ход весь свой арсенал восторженного смеха и томных взглядов.

– А потом, – рассказывал тем временем викарий, вернувшийся к воспоминаниям о Риме, – была вилла Джулия¹³. Не могу даже описать вам...

Повернувшись к нему, Верити заметила, что за ней наблюдает хозяин дома. Вероятно, потому, что теперь викарий перешел к этрускам, Верити пришло в голову, что взгляд улыбающегося мистера Маркоса в тот момент сделался типичным взглядом знатока. Этого так просто не обманешь, подумала она.

Очевидно, он попросил миссис Филд-Иннис исполнять обязанности хозяйки, поскольку после того, как всех по кругу обнесли портвейном, та обвела взглядом дам и непрерываемо пригласила их перейти в гостиную.

Когда дамы оказались там, выяснилось, что доктор Шрамм произвел впечатление. Сибил, не теряя времени, принялась допрашивать Верити. Почему та никогда о нем не рассказывала? Хорошо ли она его знает? Женат ли он?

– Понятия не имею. Это было тысячу лет назад, – ответила Верити. – Он, кажется, был одним из студентов моего отца. Насколько помню, мы столкнулись с ним на какой-то вечеринке во время больничной практики.

«Насколько помню»? Он наблюдал за ней тогда половину вечера, а когда начался танец со сменой кавалеров, перехватил ее у какого-то здоровяка-первокурсника и уже не отпускал до конца вечера.

Она повернулась к Прунелле, своей крестнице, спросила, какие у нее планы на предстоящие дни, и, как могла, истолковала ответ, ориентируясь главным образом на мимику.

– Ты что-нибудь поняла? – устало спросила ее мать.

Прунелла захихикала.

– Кажется, я становлюсь туговата на ухо, – сказала Верити.

Прунелла решительно тряхнула головой и «включила звук»:

– Только не ты, крестная Вэ. Расскажи нам про своего супердруга. Какой красавчик!

– Пру! – машинально, как часовой механизм, одернула ее Сибил.

– Ну, мама, ведь это правда, – огрызнулась дочь, снова переходя на шепот. – И уж не тебе говорить, – добавила она. – Ты набросилась на него, как на жареную индейку.

– И впрямь! – подхватила миссис Филд-Иннис и испортила весь эффект, разразившись грубым смехом.

К облегчению Верити, этот инцидент положил конец дальнейшим расспросам о докторе Шрамме. Дамы приступили к обсуждению местных новостей и были увлечены этим, пока к ним не присоединились мужчины.

Интересно, думала Верити, расспрашивал ли кто-нибудь – хозяин, или викарий, или доктор Филд-Иннис – Шрамма об их былом знакомстве, как расспрашивали ее саму дамы, и если да, то что он отвечал, и сочтет ли он уместным подойти и поговорить с ней. В конце концов, было бы странно, если бы он этого не сделал.

И он подошел. Николас Маркос, следя за тем, чтобы его гости не скучали, устроил это. Шрамм сел рядом, и ей пришло на ум, будто нечто неподобающее было в том, что на первый взгляд он ничуть не постарел. Если бы он показался ей – как, без сомнений, показалась ему Верити – сильно изменившимся, она могла бы представить себе их конфронтацию более ярко. А так он вызывал у нее ощущение тяжелого похмелья. На первый взгляд его лицо действительно мало отличалось от прежнего, хотя, когда он повернулся к свету, под кожей четче обозначилась сеточка сосудов. Глаза теперь были слегка навывкате и немного покрасневшими. О

¹³ В вилле Джулия располагается музей этрусков, где хранятся различные предметы из этруских некрополей. – *Примеч. ред.*

таких мужчинах говорят – не дурак выпить, подумала она. Волосы, лишь немного поредевшие на висках, были смазаны тем же составом, что и в былые времена.

Он был все так же, как и двадцать пять лет тому назад, одет с иголки и сохранял выправку как у военного.

– Как поживаешь, Верити? – спросил он. – Вид у тебя цветущий.

– Спасибо, прекрасно.

– Пишешь пьесы, я слышал?

– Совершенно верно.

– Потрясающе. Я должен пойти посмотреть одну из них на сцене. Какая-то ведь идет сейчас, если не ошибаюсь? В Лондоне?

– В «Дельфине».

– Публика ходит?

– Аншлаги.

– Да что ты говоришь! Значит, мне на спектакль не попасть. Если только ты не составишь мне протекцию. Составишь? Пожалуйста.

Он, как в былые времена, склонил к ней голову. «Зачем, черт возьми, ему это нужно?» – подумала она.

– Думаю, мое слово будет мало что значить, – ответила Верити.

– Тебя удивило мое появление?

– Весьма.

– И чем же?

– Ну...

– Ну?

– Во-первых, фамилией.

– Ах, это! – он небрежно махнул рукой. – Давняя история. Это девичья фамилия моей матери. Швейцарская. Мама всегда хотела, чтобы я взял ее фамилию. И вписала это в свое завещание, можешь поверить? Она предложила мне именоваться Смитом-Шраммом, но это так труднопроизносимо, что я решил отказаться от Смита.

– Понятно.

– Видишь, Верити, я в конце концов получил диплом.

– Вижу.

– В Лозанне. Моя мать осела там, и я к ней присоединился. Я так сблизился с этой семейной ветвью, что решил закончить образование в Швейцарии.

– Понятно.

– Практиковал там некоторое время – если быть точным, до маминой смерти. А потом кочевал по свету. Имея медицинское образование, найти работу нетрудно. – Он говорил свободно и непринужденно. Фразы следовали одна за другой так складно, что у Верити создалось впечатление, будто они заучены наизусть в ходе частого употребления. Так он болтал некоторое время, нанося легкие уколы ее самообладанию. Впрочем, уколы эти, к удивлению и радости Верити, оказались настолько незначительны, что ей стало интересно – из-за чего он так суетится?

– А теперь ты собираешься осесть в Кенте, – вежливо предположила она.

– Похоже на то. В некоем отеле-санатории. Я много занимался диетологией – в сущности, специализировался по ней, – а это место представляется весьма подходящим для приложения моих знаний. Оно называется «Ренклюд». Знаешь такое?

– Сибил, миссис Фостер, часто туда навещается.

– Да, это она мне сообщила.

Он посмотрел на Сибил, которая с недовольным видом сидела подле викария. Верити поняла, что Сибил наблюдает за ними и, завидев, что Шрамм бросил взгляд в ее сторону,

многозначительно улыбнулась ему, словно они обменялись только одним им понятной тонкой шуткой.

– Папа, можно мне показать Пру твое последнее чудачество? – спросил Гидеон Маркос.

– Давай, – откликнулся тот. – Конечно.

Когда молодежь ушла, он сказал:

– Шрамм, я не могу позволить вам вот так монополизировать мисс Престон. Вы уже достаточно поболтали, так что придержите свои воспоминания о прошлом и перейдем к другим гостям.

Он подвел его к миссис Филд-Иннис, а сам занял место рядом с Верити.

– Гидеон считает, – сказал он, – что, приглашая гостей на ужин, я слишком командую ими, веду себя старомодно, напыщенно или как там еще. Но что же мне еще делать? Предложить своим гостям извиваться и дергаться под его оглушительные музыкальные записи?

– Забавно было бы посмотреть, как пляшут викарий и Флоренс Филд-Иннис.

– Да, – согласился Маркос, искоса бросив на нее взгляд, – действительно было бы забавно.

Хотите знать, что это за «мое последнее чудачество»? Это картина. Трой.

– С ее арлингтонской выставки?

– Именно.

– Как мило с вашей стороны. Которая? Случайно не «Разные наслаждения»?

– Вы – гений!

– Значит, *действительно* она?

– Пойдемте – увидите.

Он повел ее в библиотеку, где не оказалось никаких признаков присутствия молодых людей. Там все еще продолжался ремонт. Весь пол был уставлен открытыми ящиками с книгами. Стены, включая и те участки, которые находились за книжными стеллажами, были отделаны красной китайской лакированной бамбуковой бумагой. Картина Трой стояла на каминной доске – блистательное буйство цветных росчерков – сплошь завитки и окружности.

– Вы коллекционируете прелестные картины, – сказала Верити.

– О, я вообще заядлый барахольщик. Я коллекционирую даже марки.

– Серьезно?

– И занимаюсь этим страстно, – ответил он, разглядывая картину из-под полуопущенных век.

– Вы собираетесь повесить ее на этом же месте? – спросила Верити.

– Думаю, да. Но что бы я ни сделал, этот дурацкий дом все равно останется компромиссом, – признался Маркос.

– Это имеет значение?

– Да, имеет. Я испытываю что-то вроде вожделения к Квинтерн-плейсу. – Он произнес это с такой страстью, что Верити уставилась на него в недоумении.

– Вот как? – сказала она. – Дом, конечно, прелестный. Но это если смотреть на него снаружи...

– О, я видел его и изнутри.

Верити подумала, что хитрая старушка Сибил не утаила бы такого визита, но мистер Маркос внес ясность, добавив, что в поисках дома путешествовал через Кент, издали увидел Квинтерн-плейс и был так потрясен, что объехал его со всех сторон.

– Миссис Фостер дома не было, но я уговорил кого-то из прислуги впустить меня, чтобы бегло осмотреть нижний этаж. И этого оказалось достаточно. Я отправился в ближайшее агентство недвижимости, как выяснилось, только для того, чтобы узнать: Квинтерн не числится ни в их, ни в чьих-либо других списках продаваемых объектов и на все прежние запросы всегда следовал категорический отказ. Мой запрос ждала такая же участь: никто не собирался прода-

вать дом. Так что – можете считать, из чувства досады – я купил этого монстра, чтобы сидеть в нем и держать бесплодную осаду.

– Сибил все это знает?

– Она – нет. Свои изыскания я проводил втайне. Будьте умницей, – добавил мистер Маркос, – не говорите ей ничего.

– Хорошо.

– Очень любезно с вашей стороны.

– Но, боюсь, ваши надежды тщетны.

– Что еще мне остается? – сказал он, а Верити подумала, что если ей когда-либо и доводилось видеть чистую целеустремленность, то именно сейчас, на лице мистера Маркоса.

V

По пути домой Верити пыталась разобраться в событиях вечера, но, едва успев начать, увидела в свете фар знакомую фигуру, плетущуюся по улице. Затормозив рядом, она поздоровалась:

– Привет, миссис Джим. Нырять в машину, довезу вас до дома.

– Но вам же не по пути, мисс Престон.

– Неважно. Присаживайтесь.

– Это очень любезно с вашей стороны. Не откажусь, – обрадовалась миссис Джим.

Она постаралась быстро и аккуратно сесть на пассажирское сиденье, однако неловкость движений выдавала ее немалую усталость.

Верити заметила, что у миссис Джим, верно, был долгий день.

– Да, довольно долгий, – ответила она и добавила: – но деньги хорошие, а поскольку Джим работает лишь неполный день, отказываться от работы не приходится. Всегда ведь что-то нужно.

Верити догадалась, что женщина имеет в виду расходы на жизнь.

– У них там большой штат прислуги? – спросила Верити.

– Пятеро, если считать экономку. Как в старые времена, – ответила миссис Джим, – когда я работала там постоянно. Теперь такое редко встречается, правда? Как я сказала Джиму, сейчас все продают большие дома, если могут, под всякие учреждения и все такое прочее. Никто не стремится покупать поместья как мистер Маркос.

– А мистер Маркос стремится?

– Он хотел бы купить Квинтерн, – сказала миссис Джим. – В прошлом году в апреле, когда миссис Фостер была в «Ренклоде», он приезжал узнать, не продается ли дом. Сразу было видно, что он прямо заболел этим домом. Я как раз в то время помогала там с генеральной уборкой.

– Миссис Фостер это знает?

– Он не назвал тогда своего имени. Я, конечно, сообщила ей, что заезжал какой-то господин, интересовался. И прямо ахнула, когда впервые увидела его после переезда в его нынешнюю усадьбу.

– Вы сказали миссис Фостер, что это он тогда заезжал?

– В то время я не работала в Квинтерне, – лаконично ответила миссис Джим, и Верити вспомнила, что у нее был перерыв в работе. – Это всплыло сегодня в разговоре. По сведениям мистера Алфредо, дворецкого, – продолжила миссис Джим, – мистер Маркос все еще повернут на Квинтерне. Алфредо говорит: если уж мистеру Маркосу что-то втемяшится в голову, он ни за что не отступит. Вы довольны садовником?

У миссис Джим была привычка перескакивать с одной темы на другую безо всякого предупреждения. Верити показалось, что она уловила пренебрежительную нотку, но она не была в этом уверена.

– Он начнет работать у меня только в пятницу, – ответила она. – Вы с ним уже встречались, миссис Джим?

– Как с ним не встретишься? – отозвалась та, потирая артрозное колено. – Энни Блэк таскает его по всей деревне, словно он главный экспонат выставки лошадей.

– Он скрасит ее одиночество.

– И это тоже, – загадочно высказалась миссис Джим.

Верити свернула в узкий переулок, где стоял дом Джоббинов. Все окна были темны: Джим и дети, конечно, уже спали мертвым сном. Миссис Джим вылезала из машины медленней, чем садилась в нее, и Верити только сейчас поняла, *насколько* та устала.

– Вам завтра рано на работу? – спросила она.

– К восьми, в Квинтерн. Вы очень добры, что подвезли меня, мисс Престон. Спасибо. Доброй ночи.

Разворачивая машину, Верити подумала: мы обе возвращаемся в свои неосвещенные дома. Но она привыкла жить одна и не имела ничего против того, чтобы войти в темный Кизхаус и нащупать рукой выключатель.

Уже лежа в постели, она перебирала в памяти события вечера. На нее нахлынула волна усталости вместе с нервным состоянием, которое она определяла как «синдром беспокойных ног». Верити осознала, что встреча с Бейзилом Шраммом (как теперь ей придется его называть) была более суровым испытанием, нежели она сочла в момент встречи. Прошное навалилось на нее и ошарашило каким-то внутренним унижением. Она заставила себя расслабиться физически, мышца за мышцей, и выкинуть из головы все мысли.

Пытаясь ни о чем не думать, она почти полностью – но не до конца – утратила чувство опасности, поджидающей, как злодей в старой моралитэ за кулисами. Однако после долгих душевных мук Верити все же уснула.

Глава 2

«Ренклод» (I)

Гарденер был хорошим садовником, тут двух мнений быть не могло. Он гораздо внимательней относился к капризам и фантазиям своих работодателей, чем Макбрайд, и трудился в высшей степени добросовестно.

Заметив, что его фамилия приводит Верити в замешательство, он рассмеялся и сказал, что не будет иметь «ничо пр-отив», если она станет звать его по имени, а зовут его «Бр-р-юс». Верити не была шотландкой, но ее не покидала мысль, что его акцент несколько утрирован. Тем не менее она воспользовалась его предложением, и вскоре садовник стал Брюсом для всех своих нанимателей. Слава его в Верхнем Квинтерне быстро росла. Парнишка, которого он нашел себе в помощь в деревне, был шести футов росту и немного не в себе. По мере того как проходили недели, а потом и месяцы, работодатели Брюса один за другим сдавались и соглашались на услуги «парнишки», все – кроме главного садовника мистера Маркоса, тот был категорически настроен против него. Сибил Фостер продолжала безумствовать по поводу Брюса. Вместе они тщательно изучали каталоги питомников. По окончании рабочего дня в Квинтерн-плейсе Сибил угощала его пинтой пива и часто сидела с ним в гостиной, болтая о растениях. Когда требовалось что-то сделать по дому, Брюс оказывался весьма полезен и охотно выполнял поручения.

– С ним одно удовольствие иметь дело, – рассказывала она Верити. – И знаешь, дорогая, в нем столько энергии! Он вбил себе в голову, что мне нужно выращивать спаржу, выкопал две глубокие канавки за теннисным кортом и собирается заполнить их всевозможными морскими водорослями. Ты можешь в это поверить? Горничные всерьез влюбились в него, ей-богу.

Под словом «горничные» она подразумевала свою приходящую прислугу: деревенскую девушку и Берил, племянницу миссис Джим. По ее словам, обе души не чаяли в садовнике, и она намекала, будто Берил имеет на него виды. Миссис Джим по этому поводу хранила таинственное молчание. Верити узнала также, что Сибил считала Брюса «себе на уме», что означало одно: он был тщеславен.

Доктор Бейзил Шрамм исчез из Верхнего Квинтерна, словно его никогда там и не было, и через некоторое время Верити почти – но не совсем – забыла о нем.

Декораторы наконец завершили свою работу в Мардлинге, и мистер Маркос, как считалось, уехал за границу. Гидеон, однако, приезжал из Лондона почти на каждые выходные, зачастую привозя с собой целую компанию. Миссис Джим докладывала, что Прунелла Фостер являлась завсегдатаем его вечеринок. Сибил по этому поводу демонстрировала забавно двойственное отношение. С одной стороны, она, похоже, гордилась тем, что ее дочь, как та сама выражалась, «подцепила» Гидеона. С другой – продолжала ронять смутные намеки насчет него, основанные, насколько могла понять Верити, исключительно на ее безошибочной интуиции. В конце концов Верити заподозрила, что Сибил просто испытывает что-то вроде материнской ревности. Хорошо, что Пру окружена пылкими молодыми людьми, но гораздо хуже, если она увлеклась одним из них. Или дело было только в том, что Сибил нацелилась на флегматичного лорда Свинглтри в качестве избранника для Пру?

– Разумеется, дорогая, – призналась она Верити как-то в июле по телефону, – он очень состоятельный, но ты ведь меня знаешь – мне этого недостаточно, а о его подноготной никто *ничего* не знает. У него вьющиеся волосы, черные глаза и крупный нос – чрезвычайно привлекательная внешность, напоминающая изображения на старинных сосудах, но что следует об

этом думать? – И, предвидя реакцию Верити на ее наблюдения, поспешно добавила: – Я имею в виду вовсе не то, о чем ты подумала, как тебе хорошо известно.

– Ты полагаешь, что у Пру все серьезно? – спросила Верити.

– Не спрашивай меня, – раздраженно ответила Сибил. – Она шепчет о нем без умолку. И надо же чтобы это случилось в тот момент, когда я была так довольна Джоном Свингльтри, таким *преданным* поклонником! Единственное, что я могу сказать, так это то, что все это совершенно губительно для моего здоровья. Прошлой ночью я глаз не сомкнула и очень опасаюсь за свою спину. Пру часто встречается с ним в Лондоне. Я предпочитаю не знать, что там у них происходит, так как действительно мало что могу сделать, Верри. Поэтому я уезжаю в «Ренклюд».

– Когда? – поинтересовалась Верити, почувствовав толчок в ребра.

– В понедельник, дорогая. Надеюсь, твой дружок сумеет мне помочь.

– Я тоже надеюсь.

– Что ты сказала? Прозвучало как-то иронично.

– Я надеюсь, это пойдет тебе на пользу.

– Я написала лично ему, и он сразу же ответил. Прелестное письмо: очень сочувственное и информативное.

– Прекрасно.

Когда Сибил хотела уклониться от ответа, она всегда говорила очень быстро, причем неестественно высоким голосом. Именно так она заговорила сейчас, и Верити могла дать голову на отсечение, что подруга в этот момент тербит волосы на затылке.

– Дорогая, – закудаhtала Сибил, – не угостишь ли меня вареным яйцом? На завтрак. Завтра.

– Разумеется, – ответила Верити.

Когда Сибил приехала на следующее утро, Верити удивило то, что подруга и впрямь выглядела неважно. У нее был плохой цвет лица, и она явно похудела. Но кроме того у нее был несколько – как бы это выразиться – отсутствующий вид, на лице словно застыла маска. Это было минутное впечатление, и Верити даже засомневалась, не почудилось ли ей. Она спросила Сибил, была ли та у врача, и получила раздраженный отчет подруги о посещении клиники в Большом Квинтерне, ближайшем городе. Какой-то неизвестный врач, по ее словам, «посуетился над ней» со стетоскопом, «накачал ей руку» и «отправил к какой-то тупой медсестре для дальнейших унижений». Вот почему у Сибил сложилось твердое впечатление об их полнейшей профессиональной отчужденности. Больного могло бы ветром сдуть прямо перед ними – они бы и глазом не моргнули.

– Самый апатичный мужчина, какого я видела, с кольцом-печаткой на пальце. Ну, ладно, я снобка, – сердито призналась Сибил и всадила нож в свою отбивную.

В конце концов она свела-таки разговор к садовнику. Брюс, как всегда, был «идеален». Он заметил, что у Сибил измученный вид, и принес ей в подарок раннюю репу.

– Помяни мое слово, – сказала она, – в этом мужчине что-то есть. Ты, конечно, можешь относиться скептически, но это так.

– Если вид у меня скептический, так это потому лишь, что я не понимаю, что именно ты разглядела в этом самом Брюсе?

– Ты *прекрасно* знаешь, что я имею в виду. Если уж быть до конца откровенной и прямой, – породу. Вспомни, – сказала она неожиданно, – Рамси Макдональда¹⁴.

– Ты считаешь, что Брюс – незаконнорожденный отпрыск какого-то аристократа?

¹⁴ Джеймс Рамсей (Рамси) Макдональд (1866–1937) – британский политический и государственный деятель. Был незаконнорожденным ребенком.

– Странные вещи случались и прежде, – загадочно произнесла Сибил. Она минуту-другую неотрывно смотрела на Верити, потом беспечно добавила: – Ему не очень уютно у своей ужасной сестрички Блэк – крохотная темная комнатенка, даже вещи негде разложить.

– Вот как?

– Да. Я подумываю, – поспешно закончила Сибил, – о том, чтобы поселить его в конюшенном доме, ну, ты знаешь – в бывшей кучерской квартире. Нужно будет, конечно, привести ее в порядок. По-моему, хорошая идея – дом не будет пустовать в наше отсутствие.

– Ты бы поостереглась, милая, – сказала Верити, – а то не успеешь оглянуться – окажешься королевой Викторией для этого Брюса Брауна¹⁵.

– Не будь смешной, – ответила Сибил.

Она безуспешно пыталась заставить Верити назвать точную дату, когда та приедет к ней в «Ренклюд» на диетический обед.

– Это меньшее, что ты можешь для меня сделать, – жалобно сказала она. – Я окажусь там совершенно одна, среди зануд, и мне будет смертельно не хватать сплетен. А кроме того, ты сможешь рассказать мне новости о Пру.

– Но в повседневной жизни я не вижусь с Пру.

– Пригласи ее на обед, дорогая, расспроси...

– Сиб, да она умрет со мной от скуки.

– Ошибаешься, ей это очень понравится. Ты же *знаешь*, как она тобой восхищается. Бьюсь об заклад, что с тобой она будет откровенна. В конце концов, ты же ее крестная.

– Одно из другого не вытекает. Даже если она и разоткровенничается, я ничего не слышу.

– Да, такая трудность существует, я знаю, – согласилась Сибил. – Ты должна попросить ее говорить погромче. В конце концов, ее друзья как-то же ее понимают. Гидеон Маркос, к примеру. Но это еще не всё.

– Что значит «еще не всё»?

– Это еще не все мои беды. Догадайся, кто объявился.

– Понятия не имею. *О нет!* – воскликнула Верити с искренним испугом. – Только не Противный Клод. Не говори мне, что это он!

– Именно он. Он отплыл из Австралии несколько недель тому назад и направляется домой на корабле под названием «Посейдон» в качестве стюарда. Я получила от него письмо.

Молодым человеком, о котором говорила Сибил, был Клод Картер, ее пасынок от первого брака, о котором многие, помимо Верити, не могли сказать ничего хорошего.

– О, Сиб, – только и произнесла она, – мне *очень* жаль.

– Он хочет, чтобы я прислала ему сто фунтов на Тенерифе.

– Он собирается в Квинтерн?

– Дорогая моя, он этого не говорит, но, конечно же, собирается. А за ним, вероятно, и полиция, преследующая его по пятам.

– Пру знает?

– Я сообщила ей. Она, разумеется, в ужасе. Как только станет известно, когда он сюда нагрянет, собирается сбежать в Лондон. Вот почему еще, кроме всего прочего, я так стремлюсь в «Ренклюд».

– Он останется здесь на какое-то время?

– Думаю, да. Как обычно. Я не могу этому помешать.

– Само собой. В конце концов, он...

– Верри, он получает очень щедрое содержание по отцовскому завещанию, но все спускает. Мне вечно приходится вызволять его из всяких передраг. А что хуже всего – но это только

¹⁵ Намек на шотландца Джона Брауна – слугу и многолетнего фаворита королевы Виктории в период ее вдовства.

для твоих ушей, – когда я отправлюсь на тот свет, он получит все, что его отец оставил мне на жизнь. И одному богу известно, что он сделает с этим наследством. Он уже побывал в тюрьме, и рискну предположить, что он принимает наркотики. Наверняка мне придется и впредь раскошеливаться.

– Значит, он приедет и найдет здесь... кого?

– Либо Берил, которая будет присматривать за домом, либо миссис Джим, которая ей помогает и делает генеральную уборку, либо Брюса, если это будет один из его рабочих дней. Им всем дано строжайшее указание: говорить, что я в отъезде и дома никого нет. Разумеется, если он будет настаивать, чтобы его пустили, никто не сможет его остановить. Безусловно, он может... – Последовала долгая пауза. У Верити появилось дурное предчувствие.

– Может – что? – спросила она.

– Дорогая, я не знаю точно, но он *может* позвонить тебе. Просто чтобы разузнать.

– И что ты хочешь, чтобы я сделала?

– Просто не говори ему, где я. А потом дай мне знать и приезжай в «Ренклюд». Верри, не ограничивайся звонком или письмом. Приезжай. Прошу тебя как свою единственную старую подругу.

– Не обещаю.

– Но постарайся. Приезжай разделить со мной тамошний ужасный обед и рассказать, что говорит Пру и звонил ли тебе Противный Клод. Подумай! К тому же там ты снова встретишься со своим потрясающим другом.

– Я не хочу с ним встречаться.

Как только эти слова вырвались у нее, Верити осознала, что совершила ошибку. Она так и видела, как загорелся неумным любопытством взгляд больших синих глаз Сибил, и поняла, что пробудила вторую – после интереса к мужчинам – страсть подруги: ее всепоглощающую увлеченность чужими делами.

– *Почему?* – тут же спросила Сибил. – Я знаю, что между вами что-то было. Я почувствовала это тем вечером, во время ужина у Николаса Маркоса. Так что там у вас?

– Ну вот, – взяла себя в руки Верити. – Только не это. Не вздумай придумывать обо мне всякую чушь.

– Но *что-то* было, – повторила Сибил. – Я никогда не ошибаюсь на этот счет. Я что-то почувствовала. Я точно знаю! – пропела она. – Ладно, спрошу у самого Бейзила Шрамма – то есть у доктора Шрамма. Он мне расскажет.

– Ничего подобного ты не делаешь, – возразила Верити, стараясь скрыть панику в голосе, и слишком поздно добавила: – Он даже не поймет, к чему ты клонишь. Сиб, прошу тебя, не ставь меня в дурацкое положение. И себя тоже.

– *Тук-ру-ру та-ра-ра-ра*, – по-идиотски промурлыкала Сибил. – Посмотрим, что это нас так взволновало.

Верити едва сдержалась.

Никакими коврижками ее не заманишь на обед в «Ренклюд», решила она и распрощалась с Сибил, терзаемая дурными предчувствиями.

II

Гидеон Маркос и Прунелла Фостер лежали в великолепном гамаке под полосатым навесом возле новенького бассейна в Мардлинге. Они были загорелыми, мокрыми и почти обнаженными. Он нежно обнимал ее, и золотистые светлые волосы Пру разметались по его груди. Они словно снимались для яркой рекламы.

– Потому что, – прошептала Прунелла, – я не хочу.

– Не верю. Ты хочешь. Я же вижу, что хочешь. Зачем притворяться?

– Ну ладно, хочу. Но не буду. Не считаю нужным.

– Но почему, ради всего святого? А-а, – сказал Гидеон изменившимся тоном, – догадываюсь. Думаю, я понял. Это «слишком быстро, слишком неблагоприятно, слишком преждевременно», да? Что, не так? – Он приблизил свою голову к ее голове. – Что ты молчишь? Ну, признайся.

– Ты мне слишком нравишься.

– Дорогая Пру, чрезвычайно мило, что я тебе «слишком нравлюсь», но это нас никуда не приведет.

– И не должно привести.

Гидеон спустил ногу на землю и, оттолкнувшись, резко качнул гамак. Волосы Прунеллы упали ему на губы.

– Не надо, – сказала она и захихикала. – Мы перевернемся. Прекрати.

– Нет.

– Я выпаду из гамака. Меня укачает.

– Скажи, что ты подумаешь.

– Гидеон, *пожалуйста*.

– Скажи.

– Я подумаю, черт тебя побери...

Он придержал гамак, но не отпустил Пру.

– ...но приду к тому же выводу, – закончила Прунелла. – Нет, дорогой. Не раскачивай его снова. *Не надо*. Я серьезно. Меня укачает. Я не шучу, мне будет плохо.

– Ты поступаешь со мной жестоко, – пробормотал Гидеон. – Несносная девчонка.

– Хочу еще раз поплавать, пока солнце не ушло.

– Прунелла, я тебе действительно нравлюсь? Ты вспоминаешь обо мне, когда мы не вместе?

– Очень часто.

– Отлично. Тогда не возражаешь ли ты... ну, можешь ли ты хотя бы поразмыслить о том, чтобы мы проверили, подходим ли мы друг другу?

– Каким образом?

– Ну... у меня в квартире. Вместе. Тебе ведь нравится моя квартира? Ну, скажем, с месяц поживем, а потом решим.

Она покачала головой.

– Ну как горох об стену, – вздохнул Гидеон. – Прунелла, ради бога, ответь прямо на мой прямой вопрос. Ты меня любишь?

– Сам знаешь. Ты потрясающий. Но, как я уже сказала, ты мне слишком нравишься, чтобы затевать легкую интрижку. Я не готова очутиться перед фактом полного провала, не готова к тому, чтобы мы оказались снова в исходной точке и пожалели о том, что сделали попытку. Мы ведь видели, как это случалось с нашими друзьями, ведь так? В начале все кажется превосходно. А потом отношения становятся все прохладней и прохладней.

– Согласен. Бывает и так, но при этом «все кости целы», и это гораздо, черт возьми, лучше, чем проходить через бракоразводный процесс. Разве нет?

– Да, это логично, цивилизованно и лишено предрассудков, но это не для меня. Должно быть, я отсталая или просто курица, но это так. Прости, милый Гидеон. – Прунелла неожиданно поцеловала его. – Как поется в песне: «О да, о да, о да...»

– Что?

– Люблю тебя, – быстро пробормотала она. – Ну вот, я и сказала это.

– *Господи!* – яростно воскликнул Гидеон. – Это нечестно. Послушай, Пру. Ну, давай устроим помолвку. Милую, целомудренную помолвку, и ты сможешь расторгнуть ее, когда пожелаешь. А я поклянусь, если хочешь, что не буду доносить тебя своим неджентльменским

вниманием. Нет. Не отвечай. Подумай, а пока, как сказал Донн: «Молчи, не смей чернить мою любовь!»¹⁶

– Он сказал это не благородной даме, а какой-то действовавшей ему на нервы приятельнице.

– Иди сюда.

Палимый солнцем пейзаж сменился закатным. В Квинтерн-плейсе Брюс, прокопав дальше и глубже борозду для посадки спаржи, велел своему «парнишке», которого в деревне звали Чокнутым Арти, выложить ее компостом, минеральными удобрениями и грунтом, между тем как сам продолжил работать лопатой с длинной ручкой. Полноценный дренаж и полив были необходимы, если они с его нанимательницей хотели осуществить свои планы.

А в двадцати милях оттуда, в «Ренклоде», в кентском Уилде, доктор Бейзил Шрамм закончил очередной осмотр Сибил Фостер. Та в изобилии добавила к убранству своей комнаты женственности, как она ее понимала, – украшенные лентами подушки и подушечки, пеньюар и постельное покрывало – оба розового цвета, фотографии, шлепанцы, окантованные шелком-марабу¹⁷. А еще большую коробку *petit-fours au masepain*¹⁸ из парижского магазина «Маркиза де Севинье», которую она особо не потрудилась спрятать от зоркого взгляда специалиста по диетологии. А кроме прочего, в комнате витал всепроникающий аромат душистого масла, заключенного в капсулу из тонкого стекла, закрепленную над настольной лампой. В целом комната, как и сама Сибил, была избыточно украшена, но, опять же, как сама Сибил, ухитрялась все это органично сочетать.

– Восхитительно, – сказал доктор Шрамм, убирая стетоскоп. С профессиональным тактом он отвернулся к окну, пока она приводила себя в порядок.

– Я готова, – произнесла она наконец.

Он отошел от окна и с высоты своего роста по-хозяйски окинул ее властным взглядом, который она находила весьма волнующим.

– Вы начинаете мне нравиться, – сказал он.

– Правда?

– Правда. Нам, конечно, предстоит еще долгий путь, но в целом ваше состояние улучшилось. Лечение приносит плоды.

– Я и чувствую себя лучше.

– Потому что здесь вам не позволяют хандрить. Вы чрезвычайно чувствительный инструмент, знаете ли, и не должны идти на поводу у тех, кто вам себя навязывает.

Сибил издала глубокий вздох скрытого удовлетворения.

– Вы так хорошо все понимаете, – сказала она.

– Разумеется. Именно для этого я здесь и нахожусь, не так ли?

– Да. Да, конечно, – ответила Сибил, испытывая блаженство.

Он сдвинул повыше браслет на ее руке и стал считать пульс. Сибил не сомневалась, что он стучит, как колеса поезда на стыках рельсов. Когда доктор отнял руку, она, постаравшись, насколько могла, придать голосу беззаботность, сказала:

– Я только что написала открытку вашей старой подруге. Верити Престон.

– В самом деле?

– Пригласила ее пообедать здесь со мной в субботу.

– Да?

– Вам, наверное, приятно встретиться снова после долгого перерыва.

¹⁶ Начальные строки стихотворения Джона Донна «Канонизация» (Перевод Г. Кружкова.)

¹⁷ Жесткий золотистый материал из шелка-сырца, производимый из туго скрученных нитей.

¹⁸ Сухое печенье с марципаном (*фр.*)

– Ну да. Это было *очень* давно, – сказал доктор Шрамм. – Мы сталкивались в мои студенческие годы. – Он взглянул на часы. – Вам пора отдыхать.

– Вы должны тоже прийти в субботу, сможете поговорить с ней.

– Было бы замечательно.

Но оказалось, что как раз в субботу он должен быть в Лондоне, чтобы повидаться с другом и коллегой, который неожиданно прилетел из Нью-Йорка.

Верити тоже никак не могла приехать в «Ренклюд», поскольку уже была приглашена на обед в другое место. Позвонив Сибил, она сообщила, что не виделась с Пру: миссис Джим доложила, будто та находится с друзьями в Лондоне.

– Значит ли это, что она с Гидеоном Маркосом?

– Понятия не имею.

– Наверняка с ним. А что насчет этого мерзкого Пэ Ка?

– О нем – ни слуху ни духу, насколько мне известно. В «Корабельных новостях» сообщалось, что «Посейдон» прибыл в Саутгемптон позавчера.

– Ну, скрестим пальцы на удачу. Может, пронесет в конце концов?

– Вряд ли, – ответила Верити.

Разговаривая, она смотрела в открытое окно. По липовой аллее к ней приближалась, шаркая ногами, безошибочно узнаваемая фигура.

– Твой пасынок, – сказала она в трубку, – уже здесь.

III

Клод Картер был одним из тех существ, чья внешность точно соответствует характеру. Он выглядел – и отчасти был – туповатым. Казалось, он не в состоянии ни с чем и ни с кем встретиться лицом к лицу. Возраст его приближался к сорока, но лицо было сплошь усеяно пубертатными прыщами. Очень маленький подбородок, вороватый взгляд за толстыми стеклами очков, редкая борода, мышинного цвета сальные волосы, вяло свисающие до середины шеи.

Из-за его физической неприглядности Верити даже испытывала к нему что-то вроде пугающей жалости. Это чувство выросло из мысли о том, что он не может быть таким же ужасным, как его внешность, и что, вероятно, к нему отнеслись несправедливо – прежде всего его Создатель, а может, и учителя (его выгнали из трех школ), и сверстники (все они над ним измывались), и жизнь в целом. Его мать умерла при родах, и он был еще младенцем, когда Сибил вышла замуж за его отца. Тот погиб спустя полгода во время бомбардировки – Верити мало что о нем знала, если не считать того, что он коллекционировал марки. Клода вырастили бабушка с дедушкой, которые его не любили. Эти обстоятельства, когда Верити думала о них, вызывали в ней смутное чувство общей вины, коему она не могла найти оправдания и которого, разумеется, отнюдь не разделяла его мачеха.

– Клод?

– Верити, он самый.

Она пригласила его войти; он сидел в ее солнечной гостиной так, подумалось ей, словно ждал вызова. На нем была футболка, сшитая словно бы из мешка из-под блинной муки, с изображением пышногрудой дамы и надписью: «Всхожесть гарантирована», а модно обтягивающие джинсы были ему настолько тесны, что явно причиняли неудобство.

Он поведал Верити, что побывал в Квинтерн-плейсе, где нашел только миссис Джим Джоббин, сообщившую ему, будто миссис Фостер уехала и не сказала, когда вернется.

– Не слишком гостеприимно, – заметил он. – Она заявила, что адреса Пру якобы тоже не знает. Я спросил, кто пересылает им корреспонденцию. – Он троекратно с силой втянул

носом воздух, издав трубный звук, который заменял ему смех, многозначительно посмотрел на Верити и добавил: – При этом вид у миссис Джим сделался довольно глупым.

- Сибил лечится, – пояснила Верити, – и ни с кем не видится.
- Как, опять? И что у нее на сей раз?
- Она очень истощена и нуждается в полном покое.
- Я думал, вы скажете мне, где она. Потому и пришел.
- Боюсь, не могу, Клод.
- Вот незадача, – раздраженно заметил он. – Я на вас рассчитывал.
- Где вы остановились?
- Пока там, в Квинтерне.
- Вы приехали на поезде?
- На попутках.

Верити чувствовала себя обязанной поинтересоваться, завтракал ли он, на что Клод ответил – нет, после чего пошел за ней на кухню, где она накормила его, выставив на стол холодное мясо с соусом чатни, хлеб, масло, сыр и пиво. Он съел почти все, после чего за чашкой кофе выкурил сигарету. Верити стала расспрашивать его об Австралии, он сказал, что в ней нет ничего хорошего, совсем ничего – разумеется, если вы не располагаете солидным капиталом. Если капитал имеется, все в порядке.

Потом он проследовал мимо нее обратно в гостиную, и она начала приходить в отчаяние.

– По правде сказать, – признался Клод, – я рассчитывал на Сиб. Так случилось, что я попал в полосу невезения. Ничего страшного, но... вы понимаете.

- Какого рода невезения? – вырвалось у нее помимо собственной воли.
- Испытываю нехватку.
- Денег?

– А в чем еще можно испытывать нехватку? – ответил он и издал свой троекратный носовой рык.

- А та сотня, которую она послала вам на Тенерифе?

Он ничуть не смутился, не стал выглядеть более виноватым, чем прежде.

– А она ее *послала*? – переспросил он. – Очень характерно для этой чертовой Клэс-сик-Лайн. Типичная для них неэффективность.

- Деньги не дошли?
- Разве я был бы пустой, если бы дошли?
- Вы уверены, что не истратили их?
- Обижаете, мисс Престон. – Он вяло изобразил негодование.

– Простите, если обидела. Я могу одолжить двадцать фунтов. Это поможет вам продержаться. И сообщу о вас Сибил.

– Не совсем нормально скрывать от меня, где она, но в любом случае спасибо за помощь. Долг я, разумеется, верну, не беспокойтесь.

Она направилась в кабинет за деньгами, он снова поплелся за ней. Ей стало не по себе, что он увидит, где она хранит деньги на хозяйственные расходы, и в коридоре она сказала ему:

– Мне нужно сделать звонок. Подождите меня в саду. А после этого, боюсь, нам придется расстаться, у меня неотложная работа.

- Я понимаю, – ответил он, стараясь сохранить достоинство.

Когда она вернулась, он слонялся возле парадной двери. Она отдала ему деньги.

– Здесь двадцать три фунта. Если не считать мелочи, это все, что у меня есть сейчас в доме.

– Вполне понимаю, – чинно повторил он и, бросив на нее свой вороватый взгляд, добавил: – Конечно, мне не пришлось бы унижаться, если бы у меня была *она*.

- Боюсь, я не совсем вас поняла.

– Если бы у меня была *Марка*.

– Марка?

– Та, которую завещал мне отец. Знаменитая.

– А я и забыла о ней.

– Будь вы на моем месте, не забыли бы. «Черный Александр».

Теперь Верити вспомнила. Эта история всегда напоминала ей рассказ из ежегодника для мальчиков. Отец Клода унаследовал марку из тиража, который был изъят в день выпуска по причине допущенной при печати зловещей ошибки: в середине лба царя Александра оказалось черное пятно. Считалось, что это единственный сохранившийся экземпляр и что стоит он бешеных денег. Морис Картер был убит во время бомбежки, находясь в увольнении. Когда коллекцию его марок выдали из банка, «Черного Александра» в ней не оказалось. Его так никогда и не нашли.

– Странное это было дело, – сказала Верити.

– Судя по тому, что мне рассказали, чрезвычайно странное, – подхватил он со своим необычным «смехом».

Верити не стала поддерживать разговор дальше. Клод сказал, что ему пора уходить, и шаркнул ногой по гравиию.

– До свидания, – попрощалась Верити.

Он вяло пожал ей руку и уже было повернулся, чтобы уйти, но тут его осенила какая-то мысль.

– Кстати, у меня просьба, – сказал он, – если кто-нибудь будет меня искать, говорите, что вы ничего не знаете – где я, что со мной; буду вам очень признателен. Не думаю, что они мною будут интересоваться, но на всякий случай.

– Они – это кто?

– Ой, ну некие зануды. Вы их не знаете. – Он улыбнулся и на миг посмотрел Верити прямо в глаза. – Вы так правдоподобно сказали, будто не знаете, где Сибил, что вам нетрудно будет повторить упражнение, мисс Престон.

Она поняла, что краснеет. Он заставил ее почувствовать себя лгуньей.

– Послушайте, у вас неприятности?

– У меня? Неприятности?

– С полицией?

– Ну и ну! Благодарю покорно! Что навело вас на подобную мысль? – Она промолчала. – Ладно, в любом случае, спасибо за ссуду. – Клод направился к калитке и на полпути стал тихонько насвистывать.

Верити вошла в дом, намереваясь приняться за работу. В течение часа она пыталась сосредоточиться, но у нее ничего не вышло, тогда она начала писать письмо Сибил, но передумала, решила прогуляться по саду, однако ее вернул в дом телефонный звонок.

Это была миссис Джим, звонившая из Квинтерн-плейса. Сама не своя судя по голосу, она извинилась за беспокойство, но сказала, что очень встревожена. После долгих предварительных объяснений оказалось, что речь идет «об этом мистере Клоде Картере».

Уезжая, Сибил сказала ей, будто маловероятно, что он объявится, но если объявится и захочет остановиться в доме, следует позволить ему это. Сегодня утром кто-то позвонил по телефону и справился, там ли он, и миссис Джим честно ответила, что его нет, никто его не ожидает и она не знает, где его можно найти. А полчаса спустя он возник на пороге и заявил, что хочет остаться.

– Я приготовила для него зеленую спальню согласно распоряжению миссис Фостер, – сказала миссис Джим, – и сообщила ему, что кто-то интересовался им по телефону, а он ответил, что ни с кем разговаривать не собирается и что я должна говорить, будто его нет и я ничего о нем не знаю. Мисс Престон, мне это не нравится. Я не хочу брать на себя ответственность.

Происходит что-то странное, и я не желаю быть в этом замешанной. Я была бы вам очень благодарна за совет, как мне быть.

– Бедная миссис Джим, – сказала Верити, – какая обуза для вас. Но миссис Фостер ведь распорядилась принять его, что вы и сделали, как бы трудно для вас это ни было.

– Но тогда я не знала того, что знаю теперь, мисс Престон.

– А что вы знаете теперь?

– Мне не хотелось говорить об этом раньше. Неприятно сообщать такое. Это касается того человека, который звонил перед появлением мистера Картера. Это был – я догадалась еще до того, как он представился, – полицейский.

– О боже, миссис Джим!

– Да, мисс. И более того. Брюс Гарденер зашел в дом выпить пива, после того как в пять часов закончил работу, и сказал, что наткнулся в саду на какого-то джентльмена, только он не знал, что это мистер Клод. Тот, должно быть, возвращался от вас и сказал Брюсу, что он родственник миссис Фостер; они немного поболтали и...

– Брюс не знал?.. Его не предупредили?.. Миссис Джим, Брюс не сообщил ему, где можно найти миссис Фостер?

– Я как раз к этому подхожу. Она же не хотела, чтобы ее беспокоили, правда? Но... Да, мисс Престон, Брюс ему сказал.

– Вот черт! – немного помолчав, ругнулась Верити. – Но это не ваша вина, миссис Джим. И не Брюса, если уж на то пошло. Не волнуйтесь.

– Но что я скажу, если снова позвонят из полиции?

Верити глубоко задумалась, однако любое решение представлялось недопустимо бесчестным. Наконец она ответила:

– Откровенно признаться, миссис Джим, я не знаю. Вероятно, мне следовало бы посоветовать вам сказать правду и сообщить о звонке мистеру Клоду. И как бы жестоко это ни прозвучало, избавиться от него наконец, быть может. – В трубке молчали. – Миссис Джим, вы тут? – спросила Верити. – Вы слышите меня?

Миссис Джим зашептала:

– Простите, мне придется повесить трубку. – А потом неестественно громким голосом добавила: – Ну, тогда на сегодня это все, спасибо. – И разъединилась.

Противный Клод появился где-то поблизости, догадалась Верити.

Теперь она по-настоящему забеспокоилась, но в то же время не могла не сердиться. Она работала над чрезвычайно сложными поправками к своей последней пьесе, на которую после многообещающего дебюта в провинции клюнули лондонские продюсеры. Помешать работе на этом этапе означало прискорбно выбить ее из колеи.

Верити честно постаралась успокоиться и вернуться к работе, но старания оказались тщетными. Сибил Фостер со своими хворями и проблемами, реальными и мнимыми, тому не благоприятствовала. Должна ли она сообщить Сибил последние чрезвычайно тревожные новости о ее ужасном пасынке? Имеет ли она право держать ее в неведении? Она-то знала, что Сибил только порадовалась бы, если бы она так поступила, но ведь нынешние события могут иметь катастрофическое развитие, и Верити окажется ответственной за это. Ей скажут, что она скрыла важную информацию. И это будет не первый раз, когда Сибил переложит ответственность на нее, а если в итоге все получится не так, как ей хочется, начнет мученически стонать.

Ей пришло в голову, что было бы справедливо, если бы Прунелла разделила с ней возникшие трудности, но где находилась Прунелла в данный момент? Да и услышит ли Верити хоть что-нибудь внятное, даже если та позвонит?

Верити три раза перечитала кусок диалога, не понимая того, что читает, отбросила ручку, выругалась и пошла в сад. Она любила свой сад. Не было никаких сомнений, что Брюс все в нем делал правильно. Никакой тли на розах. Мальвы и дельфиниумы цвели на фоне прелест-

ной кирпичной стены, ограждавшей ее престарелый фруктовый сад. Он не пытался навязать ей ни каллеолярии, ни какие бы то ни было нежелательные однолетники, только – левкой, источавшие аромат по вечерам. Садовника можно было лишь похвалить – если бы он только не так часто ее раздражал.

Постепенно ощущение затравленности стало отпускать ее, она сорвала листок вербены, растерла его между пальцами, понюхала и вернулась в дом.

«Отложу-ка я решение до завтра, – подумала Верити. – С этим надо переспать».

Но, проходя по липовой аллее, она увидела Прунеллу Фостер, быстрым шагом идущую по подъездной дорожке.

IV

Прунелла задыхалась от быстрой ходьбы, что не способствовало большей разборчивости ее речи. Уставившись на крестную, она всплеснула руками так же, как это делала ее мать.

– Крестная, – прошелестела она, – ты одна?

– Совершенно одна, – ответила Верити.

– Можно мне с тобой поговорить?

– Разумеется, можно, дорогая, если ты будешь говорить так, чтобы я могла разбирать слова.

– Прости, – сказала Прунелла, привыкшая к подобным упрекам. – Я постараюсь.

– Ты пришла сюда пешком?

– Гидеон подвез меня. Он там, в аллее. Ждет.

– Пойдем в дом. Я как раз хотела с тобой повидаться.

Прунелла широко открыла глаза от удивления. Они вошли в дом, где без долгих разговоров девушка обвила руками шею крестной, почти прокричала, что она теперь помолвлена, и разразилась взволнованными слезами.

– Дитя мое дорогое! – воскликнула Верити. – Какой странный способ объявить о помолвке. Ты рада?

Последовали сумбурные объяснения, из которых можно было понять, что Прунелла очень любит Гидеона, но боится, что теперь он не будет любить ее так же, как прежде, потому что такое происходит сплошь и рядом, не так ли, а она знает: случись такое с ней, она не сможет сохранить спокойствие и воспринять все в истинном свете, она согласилась на помолвку, потому что Гидеон пообещал, что для него их союз – навеки, но как можно быть уверенной, что он знает что говорит.

Потом она высморкалась и призналась, что несказанно счастлива.

Верити любила свою крестницу, и ей было приятно, что та решила довериться именно ей, но чувствовала, что это еще не все.

Так оно и оказалось.

– Это касается мамы, – сказала Прунелла. – Она будет в ярости.

– Но почему?

– Ну, прежде всего она страшная снобка и хочет, чтобы я вышла замуж за Джона Свинглтри, потому что он – пэр. Представь себе!

– Я не знаю Джона Свинглтри.

– Тем лучше для тебя. Он – настоящая задница. А во-вторых, у нее есть какие-то свои соображения относительно Гидеона и его отца. Она считает, что они – выходцы из средневекового гетто.

– А хуже этого нет ничего на свете, – закончила за нее Верити.

– Точно. Но ты же ее знаешь. Все оттого, что мистер Маркос во время своего званого ужина в Мардлинге не стал за ней ухаживать. Ты же ее знаешь, крестная, – повторила Прунелла.

Выхода не было, пришлось признать, что это вполне возможно.

– Правда, – продолжила Прунелла, – сейчас она зациклена не столько на нем, сколько на враче из «Ренклода». Кажется, он твой старинный приятель или что-то в этом роде?

– Не совсем.

– Ну, во всяком случае, она неожиданно оказалась в сложной ситуации и погружена в нее с головой. Она совершенно помешалась на нем. – Глаза Прунеллы снова наполнились слезами. – Ах, как бы мне хотелось, чтобы у меня была не такая мать. Не подумай, что я ее не люблю, но...

– Неважно.

– И в такой момент мне придется сказать ей о нас с Гидеоном.

– Как ты собираешься это сделать? Поедешь в «Ренклюд»? Или напишешь?

– Да как бы я это ни сделала, она обозлится на меня и заявит, что я еще пожалею, когда ее не станет. Гидеон предложил поехать вместе со мной. Он готов взять быка за рога. Но я не хочу, чтобы он видел, какой она бывает, когда разойдется. Ты ведь это знаешь, правда? Если что-то путает ей карты, когда она и так взвинчена, она может затеять истерику. Ты же знаешь, как это у нее бывает? – повторила она.

– Ну...

– Знаешь-знаешь. А мне было бы очень неприятно, если бы он увидел ее в таком состоянии. Милая, милая крестная Вэ, а ты не...

Верити задумалась. Она не могла отчасти не ощущать себя матерью Прунеллы и не удивилась, когда та спросила, не думает ли она навестить ее мать, а если думает, не согласится ли она подготовить ее.

– Я не собиралась туда ехать, Пру, я действительно очень занята.

– О! – воскликнула Прунелла с несчастным видом, привычно снижая голос до шепота. – Понятно.

– В любом случае, почему бы вам не поехать вместе с Гидеоном, и Гидеону... ну...

– Не попросить моей руки? Как Джек Уординг и леди Брэкнелл?¹⁹

– Да.

– Вот и *он* говорит то же самое. Милая крестная Вэ! – Прунелла снова обняла Верити за шею. – Вот если бы ты поехала с нами и, как бы это сказать... первая... Ну, неужели ты не можешь? Мы специально только что приехали из Лондона, чтобы попросить тебя об этом. К тебе она прислушивается больше, чем к кому бы то ни было. Ну, пожалуйста.

– О, Пру.

– Так ты *поедешь*? Вижу, ты согласна. Ты тем более не сможешь отказать, когда я сообщу тебе еще одну грандиозную новость. Не то чтобы и новость про нас с Гидеоном не была грандиозной, но...

– Противный Клод?

– Так ты уже знаешь?! Я позвонила из Мардлинга в Квинтерн, и миссис Джим сообщила мне. Ну, не ужасно ли это? А мы-то все думали, что он благополучно осел в Австралии.

– Ты останешься сегодня дома?

– Да ты что! Под одной крышей с этим Клодом? Как бы не так. Я поеду в Мардлинг. Мистер Маркос вернулся, и мы расскажем ему о нашей помолвке. Он-то будет в восторге. Я должна туда поехать.

– Можно я подойду к машине и поговорю с твоим молодым человеком?

– О, зачем тебе затрудняться, он сам придет, – сказала Прунелла. Сунув в рот большой и указательный пальцы и высунувшись из окна, она пронзительно свистнула. В аллее тут же

¹⁹ Персонажи комедии Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным».

взревел мощный мотор, щегольский спортивный автомобиль задним ходом подлетел к дому и остановился у крыльца. Из машины выпрыгнул Гидеон Маркос.

Он действительно чрезвычайно хорош собой, подумала Верити, но – без тени пренебрежения – сразу поняла, что имела в виду Сибил, говоря о его центрально-европейском происхождении. У него была экзотическая внешность. Он напоминал представителя латиноамериканской элиты, который одевается у английского портного. Однако манеры его были уверенными, без театральщины, и лицо выражало готовность к веселью.

– Мисс Престон, – сказал он, – насколько я понимаю, вы не просто крестная, а фея-крестная. Вы готовы взмахнуть своей волшебной палочкой и благословить нас?

Обняв Прунеллу за талию, он стал оживленно рассказывать о том, как заставил ее принять его предложение. Верити подумала, что он пребывает в эйфории от своей победы и вполне сумеет справиться не только с будущей женой, но и – если понадобится – с тещей.

– Наверняка Пру уже поведала вам о своих дурных предчувствиях относительно того, что ее матушка разозлится на нас. Я не совсем понимаю, почему она так уж против меня настроена, но в любом случае надеюсь, что *вам* я не кажусь неподходящей партией. – Он бросил на нее быстрый взгляд и добавил: – Впрочем, вы меня почти не знаете, так что мое замечание, вероятно, было неуместным.

– Первое впечатление у меня, – ответила Верити, – отнюдь не неблагоприятное.

– О, слава богу, – обрадовался Гидеон.

– Дорогой, – прошептала Прунелла, – она поедет с нами в «Ренклюд». Ты ведь поедешь, крестная? Знаю, что поедешь. Чтобы унять бурю. Ну, хотя бы постараться.

– Это очень любезно с вашей стороны, – сказал Гидеон и поклонился Верити.

Верити понимала, что ее перехитрили, но не обижалась. Она понаблюдала за их стремительным отъездом. Было договорено, что они наведаются в «Ренклюд» в ближайшую субботу, но не для того, чтобы полакомиться, как выразилась Прунелла, капустными щами и травяными котлетками. Гидеон знал отличнейший ресторан, где можно было остановиться пообедать.

Минувший день оставил у Верити такое чувство, будто на нее одновременно свалилась куча непрошенных событий, которые породили растущее беспокойство и даже ощущение угрозы. Она подозревала, что главной составляющей ее дискомфорта было острое нежелание еще раз оказаться лицом к лицу с Бейзилом Шраммом.

Два следующих дня прошли спокойно, но в четверг в Киз явилась миссис Джим для очередной атаки на полы и мебель. Она доложила, что Клод Картер в основном сидит у себя в комнате в Квинтерне, съедает то, что ему оставляют, и к телефону, насколько ей известно, не подходит. Берил, которую Сибил на время своего отъезда ангажировала ночевать в доме, заявила, что и не подумает оставаться на ночь под одной крышей с мистером Клодом. В конце концов решение было найдено: Брюс сказал, что может спать в кучерской над гаражом, где раньше жил шофер, выполнявший также разные работы по дому.

– Я знаю, что миссис Фостер ничего *против* этого не имела бы, – сказала миссис Джим, с каменным выражением лица глядя в окно.

– Но все же, ее, наверное, следовало бы спросить, вы не думаете?

– Он, Брюс, сам это сделал, – рассеянно ответила миссис Джим. – Он ей позвонил.

– В «Ренклюд»?

– Да, мисс. Он и ездит к ней, – добавила она. – Раз в неделю. Возит цветы и получает указания. На автобусе. По субботам. Она ему за это платит.

Верити понимала, что ей следовало бы осадить миссис Джим за столь бесцеремонную манеру говорить о своей хозяйке, но она предпочла сделать вид, что ничего не заметила.

– Ну что ж, – заключила она, – вы сделали все, что могли, миссис Джим, – и, замывшись на минуту, добавила: – Я тоже собираюсь туда в следующую субботу.

После короткой паузы миссис Джим переспросила:

– Собираетесь, мисс? Это очень любезно с вашей стороны. – Потом она включила пылесос и сквозь шум крикнула с другого конца гостиной: – Сами увидите.

Верити кивнула и вернулась в кабинет, недоумевая: *что* такое она должна там «сама увидеть»?

V

Отличный ресторан Гидеона оказался в пределах шести миль от «Ренклода». Это было что-то вроде клуба высокого класса, членом которого он состоял, с персональным обслуживанием и очень вкусной едой. Верити нечасто доводилось обедать в подобных местах, и она наслаждалась моментом. Впервые она задалась вопросом: а чем, собственно, занимается по жизни Гидеон? Вспомнила она также, что Прунелла вполне освоилась в его компании.

В половине третьего они прибыли в «Ренклад». Это была перестроенная эдвардианская усадьба с ведущей к ней аллеей, скрытая за шеренгой хвойных деревьев и окруженная обширными лужайками, в которых, словно могилы, были вырыты цветочные клумбы.

Постояльцы прогуливались по дорожкам со своими гостями или сидели под сверкающими зонтиками и навесами на замысловатых садовых скамейках, стульях и качелях.

– Она ведь знает, что мы должны приехать, да? – спросила Верити, начиная немного труситься.

– Она знает про нас с тобой, – ответила Прунелла. – Про Гидеона я ей, вообще-то, не говорила.

– О, Пру!

– Я подумала, что, если он появится вместе с тобой, все пройдет легче, – прошептала Пру.

– Я не думаю, что...

– Я тоже, – сказал Гидеон. – Дорогая, почему мы не можем просто...

– Вот она! – воскликнула Верити. – Вон там, за кальцеолариями и лобелиями, под оранжевым навесом. Она ждет. Сейчас увидит нас. Крестная Вэ, *пожалуйста*. Мы с Гидеоном останемся в машине, а когда ты нам махнешь – подойдем. Ну пожалуйста!

«Я ела их астрономически дорогой обед, пила их шампанское, что ж теперь – ответить черной неблагодарностью и отказаться?» – подумала Верити.

– Ладно, – решила она, – только не вините меня, если все пойдет наперекосяк.

И она зашагала через лужайку.

Никто еще не придумал, как следует приближаться к человеку, с которым ты уже обменялся приветствиями издали. Продолжать улыбаться, пока улыбка не превратится в гримасу? Сделать вид, что внезапно заинтересовался окрестностями? Или погрузиться вдруг в раздумья? Изображать безудержную радость? Кричать? Свистеть? Или даже запеть ни с того ни с сего?

Верити не стала делать ничего подобного. Она пошла быстро и, приблизившись на расстояние, с которого ее уже было слышно, крикнула:

– Вот ты где!

Сибил пока располагала тем преимуществом, что ее глаза были скрыты за огромными солнцезащитными очками. Она помахала рукой, улыбнулась и с притворным то ли изумлением, то ли восторгом протянула руки к Верити, а когда та подошла, раскрыла ей свои объятия.

– Верри, дорогая! – воскликнула она. – Ты все-таки приехала. – Она указала ей на полотняный садовый шезлонг, секунду-другую пристально смотрела на нее, от чего Верити почувствовала неловкость, а потом уже другим голосом спросила: – Чья это машина? Нет, не отвечай. Это машина Гидеона Маркоса. Он привез вас обеих. Ничего не нужно говорить. Они помолвились!

В некотором роде Верити испытала облегчение, проникательность Сибил обрадовала ее.

– Ну... да, – сказала она, – помолвились. И честно признаться, Сиб, в этом нет ничего дурного.

– В таком случае, – возразила та, исчерпав запас сердечности, – почему они ведут себя подобным образом? Прячутся в машине и посылают тебя заранее меня «обработать»? Разве так ведут себя цивилизованные молодые люди? Пру никогда не поступила бы так по собственной инициативе. Это он ее уговорил.

– Все как раз наоборот. Он был решительно настроен сообщить тебе все сам.

– Какая наглость! Грубый напор. Понятно, откуда в нем это.

– Откуда?

– А черт его знает.

– Ты только что сказала, что *ты* знаешь.

– Не придирайся к словам, дорогая.

– Не могу понять, что – кроме безотчетной неприязни – ты имеешь против Гидеона? Он умен, респектабелен, явно богат...

– Да, но каково его происхождение?

– ...и – что самое важное в этой ситуации – он кажется очень порядочным молодым человеком, который любит Пру.

– Джон Свинглтри предан ей. Беззаветно предан. И она уже начинала... – Сибил запнулась, потом решительно закончила: – ...испытывать к нему симпатию.

– Ты имеешь в виду лорда Свинглтри?!

– Да, и нечего говорить о нем в таком тоне.

– Я не говорю о нем ни в каком тоне. Сиб, они там ждут, чтобы подойти к тебе. Будь снисходительна. Иным ты ничего не добьешься.

Сибил помолчала и ответила:

– Знаешь, что я думаю? Это сговор между ним и его отцом. Они хотят прибрать к рукам Квинтерн.

– О господи, Сиб, *дорогая*!

– Да-да. Вот подожди – сама увидишь.

Это было сказано со всей ее былой напористостью, упрямством и в то же время с легкой тоской и безразличием в голосе. У Верити создалось впечатление, что на самом деле Сибил не так уж и возражала против помолвки своей дочери. В ее тоне слышалась удивительная смесь неуверенности и подавляемой радости, почти торжества.

Ее пухлая ручка, потянувшаяся к очкам, дрожала. Сибил сняла очки, и у Верити холодок пробежал по спине.

Лицо подруги было совершенно гладким, словно его отутюжили, и лишенным всякого выражения. Огромные фарфорово-голубые глаза можно было принять за глаза куклы.

– Ладно, – сказала она. – Пусть это будет на твоей совести. Зови их. Я не буду устраивать сцен. Но предупреждаю тебя: я никогда не смирюсь. Никогда.

Верити вдруг испытала прилив сострадания.

– Может, немного подождать? – спросила она. – Как ты себя чувствуешь, Сиб? Ты мне еще не рассказала. Тебе лучше?

– Намного. Намного лучше. Бейзил Шрамм – просто чудо. У меня никогда не было такого врача, как он. Честно. Он так все *понимает*! Думаю, – в голосе Сибил послышалось блаженство, – он страшно разозлится, когда узнает об этом визите. Он не разрешает мне расстраиваться. Я рассказала ему о Противном Клоде, и он сказал, что я ни под каким предлогом не должна с ним встречаться. Он мне это просто приказал. Верри, он действительно чудо, – повторила Сибил.

Пылкость этого панегирика никак не отразилась ни на ее лице, ни в голосе. Тем не менее она продолжала говорить, делясь сплетнями насчет Шрамма, его терапевтических методов, его

помощницы сестры Джексон, которая – самодовольно добавила Сибил – бесится из-за того, что он уделяет ей, Сибил, столько внимания.

– Ревнует! – сказала она. – Но не волнуйся, я ее заткнула.

– Ну так, – вставила Верити, сглатывая тревожный ком, – может, мне сказать этим двоим, что ты сначала хочешь поговорить с Пру наедине?

– Я встречу сразу с обоими, – заявила Сибил. – Прямо сейчас.

– Тогда мне их привести?

– А ты не можешь просто помахать им? – капризно спросила она.

Поскольку больше ничего не оставалось, Верити вышла на солнце и сделала знак рукой. Рука Прунеллы ответила на него. Потом девушка вышла из машины, за ней Гидеон, и они быстро стали пересекать лужайку. Верити понимала, что Сибил будет внимательно следить, не успеют ли они перекинуться с ней хоть несколькими словами, поэтому не пошла им навстречу, а осталась ждать на месте. Когда они проходили мимо, она тихо шепнула: «Все непросто. Не расстраивайте ее».

Прунелла бегом бросилась к матери. Она опустилась перед ней на колени, заглянула в глаза и после небольшой заминки поцеловала ее.

– Мамочка, дорогая, – сказала она.

Верити вернулась в машину и стала наблюдать за троицей под оранжевым навесом. Можно было подумать, что их специально усадили там, чтобы позировать для картины – например, для картины Трой Аллейн. Послеполуденный свет, рассеянный и переменчивый, делал очертания фигур зыбкими, казалось, что они немного дрожат и парят в воздухе. Сибил снова надела очки, так что, подумала Верити, возможно, Пру ничего и не заметит.

Вот задвигался Гидеон. Он встал возле стула, на котором сидела Сибил, и поднес ее руку к губам. «Это должно ей понравиться, – отметила Верити, – и означать, что она сдалась, но я так не думаю».

Сидеть в машине было невыносимо, и она, решив прогуляться, вышла за главные ворота. По подъездной аллее прохаживались люди. Среди них выделялись двое мужчин, один из которых нес большую корзину с лилиями. На нем были твидовый костюм для загородных прогулок и шляпа, делавшие его облик весьма изысканным. Верити была потрясена, узнав в нем Брюса Гарденера в его лучшем наряде. Сибил сказала бы, что он «исключительно респектабелен».

Но еще большим шоком для Верити было, когда она осознала, что его шаркающий хилый спутник – это Клод Картер.

VI

Когда Верити была девочкой, в течение недолгого времени существовало повальное увлечение тем, что называли «стишками-ужасиками», – шуточные куплеты вроде: «Пропали очки у тетушки Мод, решила она: вор шалит-пристает» дети исполняли, изображая жеманную даму, к которой подкрадывается бандит в маске.

Почему она вспомнила сейчас это ребяческое зубоскальство? Почему вдруг увидела старую подругу в непосредственной опасности, почувствовала, будто той грозит нечто неопределенное, но гораздо более страшное, нежели неприятности, которые мог навлечь на нее Клод Картер? Почему Верити показалось, что день, ставший вдруг невыносимо душным, смыкается вокруг Сибил? Почудилась ли ей та странная неподвижность в лице подруги?

И что ей следовало предпринять в отношении Брюса и Клода?

Брюс был в восторге от встречи с Верити. Он высоко поднял свою твидовую шляпу, послал ей поверх лилий в корзине ослепительную улыбку и, поприветствовав ее своим густым и подозрительным шотландским акцентом, пояснил, что прибыл с обычным субботним визи-

том к своей «бiedной ледди», и поинтересовался, как Верити находит ее «сиодня» и считает ли, что состояние «иё п'др-руги» улучшится.

Верити сказала, что, на ее взгляд, миссис Фостер выглядит прекрасно и что сейчас у нее гости, на что Брюс ожидаемо ответил, что он, конечно, подождет, а если еще один визит гостей будет миссис Фостер в тягость, он просто оставит «лайлии у дминистра-ратор-ра», чтобы их отнесли к ней в комнату.

– Она ж'лает быть увер-рена, что ее сад цветет, – сказал он.

Клод прислушивался к их диалогу с полуулыбкой и бегающим взглядом.

– Значит, вы в конце концов нашли сюда дорогу? – спросила Верити – не могла же она не сказать ему ничего.

– О, да, – ответил он. – Благодаря Брюсу. Он уверен, что она будет рада меня видеть.

У Брюса при этом сделался такой вид, будто ему хотелось бы опротестовать это замечание, и он уже начал было: «Ну, не с'всем тах...», но Клод перебил его:

– Это ведь она вон там? А с ней – это Пру?

– Да, – лаконично ответила Верити.

– А кто этот «денежный мешок» рядом?

– Друг.

– Думаю, я должен выяснить, – сказал он со слабым подобием наглой улыбки и как будто собрался сделать это немедленно.

– Клод, подождите, пожалуйста, – остановила его Верити.

Она в испуге повернулась к Брюсу, который без промедления произнес:

– О, м'стер Хартер, вы не думаете, что луш-ше повр-ременить чуток?

– Нет, – бросил Картер через плечо, – благодарю. Я ждать не стану. – И продолжил начатое движение.

«Не могу же я побежать за ним, повиснуть у него на руке и устроить сцену», – подумала Верити. Придется Пру и Гидеону справляться самим.

И Пру, разумеется, сумела это сделать. Расстояние было слишком большим, чтобы разоб-брать слова, так что Верити наблюдала за происходившим, как за пантомимой. Сибил протя-нула руку и сжала плечо дочери. Пру развернулась, увидела Клода и встала. Гидеон жестом выразил недоумение, а Пру решительно шагнула навстречу Клоду.

Они остановились друг перед другом, лицом к лицу, Пру стояла, выпрямив спину, – маленькая фигурка, воплощавшая истинное достоинство. Клод – спиной к Верити, опустив голову. Гидеон помог Сибил подняться и повел ее к дому.

– В доме ей будет луш-ше, – озабоченно сказал Брюс, – да, луш-ше.

Верити почти успела забыть о его присутствии, но вот он стоял рядом, взволнованно глядя на букет своих лилий. В этот момент Верити испытывала к нему почти симпатию.

Пру, видимо, сказала Клоду нечто не подлежащее возражениям, после чего быстро зашагала к дому, догнала Гидеона с матерью на ступеньках, взяла Сибил под руку и завела внутрь. Клод проводил их взглядом, повернулся было лицом к Верити, но передумал и слинял по направлению к деревьям.

– Он пр-риехал без моего пр-риглашенья, – горячо заверил Брюс. – Он выудил из меня инфор-мацию.

– Охотно верю.

К ним подошел Гидеон.

– Все в порядке, – сказал он Верити. – Пру повела миссис Фостер наверх, в ее номер. – И обращаясь к Брюсу, добавил, – Не подождете ли вы внизу, в вестибюле, пока Прунелла не спустится?

– Хонешно, сэр, благодар-рю, – ответил Брюс и тоже направился к дому.

Гидеон улыбнулся Верити. Улыбка, по ее оценке, была вполне жениховская.

– Какой странный, однако, получился визит, – заметил он.

– Как все прошло? До того как вмешался Противный Клод?

– Полагаю, могло быть и хуже. Хотя ненамного. Никаких раскрытых объятий и восторженных приветствий. Вы проделали замечательную работу, подстелив соломку, мисс Престон, чтобы она вообще согласилась меня принять. Мы вам чрезвычайно признательны. – Он помешкал немного и продолжил: – Вы позволите мне спросить, что... у нее... у матери Пру... Не знаю, как лучше выразиться. Что-то у нее с... – Он прикоснулся к своему лицу.

– Я понимаю, что вы имеете в виду. Да. Что-то есть.

– Я просто хотел узнать...

– Это появилось недавно.

– Мне кажется, Пру тоже заметила. Она расстроилась. Конечно, она и виду не подавала, но *расстроилась*.

– Пру все объяснила Противному Клоду?

– Да. Жутковатый субъект. Но она прекрасно справилась с ним, – с гордостью закончил Гидеон.

– Вот она идет.

Когда Прунелла присоединилась к ним, она была мертвенно-бледна, но держала себя в руках.

– Теперь можно ехать, – сказала она. И села в машину.

– Где твоя сумка? – спросил Гидеон.

– Что? О черт, – сказала Прунелла. – Я забыла ее наверху. Какая *дура*! Теперь придется возвращаться.

– Может, лучше мне? – предложил Гидеон.

– Она в ее комнате. Но мама очень злится на тебя.

– Может, мне удастся реабилитироваться, войду как ни в чем не бывало, с блаженным видом.

– *Замечательная* идея! – воскликнула Прунелла. – Да, попробуй. Скажи, что она выглядит как мадам Онассис.

– Это неправда. Ничего подобного, даже близко. Она – меньше чем кто бы то ни было, – заметила Верити.

– А она думает, что похожа.

– Попробовать все же стоит, – подхватил Гидеон. – Терять все равно нечего.

– Больше нечего.

Он отсутствовал дольше, чем они ожидали, а когда вернулся с сумкой Прунеллы, вид у него был растерянный. Он завел машину и тронулся.

– Ничего хорошего? – решила спросить Прунелла.

– Во всяком случае, она ничем в меня не запустила.

– О, даже так?

На обратном пути она была очень молчалива. Сидя на заднем сиденье, Верити видела, что она положила руку на колено Гидеону. Он коротко накрыл ее ладонь своею и посмотрел на нее. Он хорошо знает, как с ней управляться, подумалось Верити. Сомнений в том, кто у них главный, не возникнет.

Когда они подъехали к ее дому, Верити пригласила их зайти выпить, но Гидеон сказал, что их ждет его отец.

– Я сама провожу крестную Вэ в дом, – сказала Прунелла, увидев, что Гидеон собрался это сделать.

Она вошла внутрь вслед за Верити, поцеловала ее и еще раз горячо поблагодарила, а потом спросила:

– Насчет мамы. У нее был удар?

- Дорогая моя, почему тебе это пришло в голову?
 - Ты же заметила, я видела, что ты заметила.
 - Не думаю, что нечто подобное имело место. В любом случае врач поставил бы тебя в известность, если бы было что-то серьезное.
 - Может, он не знал? Может, он плохой врач? Прости, я забыла, что он твой друг.
 - Он мне не друг. Так или иначе, это не имеет значения.
 - Думаю, мне нужно ему позвонить. Что-то с ней не так. Скажи честно, ты ведь тоже так думаешь?
 - Ну, может быть.
 - И тем не менее...
 - Что?
 - Как это ни странно, она при всем этом выглядит... взволнованной и довольной.
 - Мне тоже так показалось.
 - Это очень странно, – сказала Прунелла. – Вообще все странно. Как-то... расплывчато, что ли. Как бы там ни было, врачу я позвоню. Завтра. Ты как, одобряешь?
 - Да, дорогая, – ответила Верити. – Одобряю. Это поможет тебе успокоиться.
- Однако потребовалось очень много времени, прежде чем Прунелле суждено было достичь желанного спокойствия.

VII

В пять минут десятого тем же вечером сестра Джексон, работавшая и жившая в «Рен-клоде», остановилась перед дверью Сибил Фостер, из-за которой доносились звуки работающего телевизора. Она постучала, открыла дверь и, достаточно подождав, приблизилась к кровати. Пять минут спустя она покинула комнату и поспешно зашагала по коридору.

В одиннадцать часов доктор Шрамм позвонил Прунелле и сообщил, что ее мать скончалась.

Глава 3

Аллейн

Бейзил, вынуждена была признать Верити, выглядел безупречно – точно так, как должен был выглядеть врач в подобных обстоятельствах, и вел себя именно так, как требовалось, – корректно, с достоинством, почтительностью и точно отмеренной долей сдержанных эмоций.

– У меня нет никаких оснований подозревать, что – за исключением симптомов нервного истощения, которые значительно уменьшились, – у нее было что-нибудь еще, – сказал он. – Должен заявить: я поражен тем, что она предприняла такой шаг. Она пребывала в отличном душевном состоянии, когда я видел ее в последний раз.

– Когда это было, доктор Шрамм? – спросил коронер.

– Утром. Около восьми. Я собирался в Лондон и перед отъездом сделал обход некоторых пациентов. В «Ренклюд» я вернулся тем же вечером, в самом начале одиннадцатого.

– И нашли?..

– И нашел ее мертвой.

– Вы можете описать обстоятельства?

– Да. Она попросила меня привезти ей из Лондона автобиографию какой-то принцессы – я забыл имя, – и я отправился к ней в комнату, чтобы отдать книгу. Спальни у нас в отеле большие и удобные, их часто используют и как гостиные. Мне сказали, что она поднялась к себе еще днем. Задолго до времени, когда обычно ложилась в постель. Там же, у себя, она поужинала, что-то глядя по телевизору. Я постучал, ответа не последовало, но я слышал, что телевизор работает, решил, что из-за него она не расслышала стука, и вошел. Она лежала в кровати на спине. Лампа на прикроватном столике горела, и я сразу увидел, что флакон с таблетками перевернут и несколько таблеток – пять, если быть точным, – разбросаны по поверхности столика. Стакан для воды был пуст, однако из него пили, он лежал на полу. Впоследствии обнаружилось, что в нем остался запах алкоголя – виски. На столе стояла маленькая бутылка из-под виски, тоже пустая. Почти пустым был и графин с водой. Я осмотрел ее и установил, что она мертва. На часах было двадцать минут одиннадцатого.

– Вы можете определить время смерти?

– Точно – не могу. Но не меньше часа до того момента, как я нашел ее.

– И что вы предприняли?

– Убедился, что никакой возможности реанимировать ее нет, и вызвал медсестру, которая живет в отеле. С помощью желудочного зонда мы откачали содержимое ее желудка. Оно было исследовано позднее в лаборатории и в нем было найдено определенное количество барбитуратов. – Поколебавшись, он сказал: – Я бы хотел, сэр, если сейчас это уместно, добавить несколько слов о «Ренклюде», его общей специфике и управлении.

– Конечно, прошу вас, доктор Шрамм.

– Благодарю. «Ренклюд» – не больница. Это отель с постоянно проживающим в нем врачом. Многие, я бы сказал, большинство наших постояльцев не больны. Некоторые просто переутомлены и нуждаются в перемене обстановки и отдыхе. Некоторые приезжают к нам просто затем, чтобы спокойно провести выходные. Некоторые – пройти курс снижения веса. Некоторые – выздоравливают после болезни и готовятся вернуться к обычной жизни. Многие из них – люди пожилые, им важно, что в отеле постоянно находится квалифицированный врач и дипломированная медсестра. Миссис Фостер жила здесь время от времени. Она была женщиной нервной и страдала от хронической тревожности. Сразу скажу, что я не прописывал ей барбитураты, которые она приняла, и понятия не имею, где она их взяла. Когда она только приехала, я – по ее просьбе – назначил ей таблетку фенobarбитурата на ночь для крепкого сна,

но через неделю отменил назначение, поскольку нужда в таблетках отпала. Прошу прощения за это отступление, но мне казалось, что оно может быть полезным.

– Весьма. Весьма. Весьма, – благодушно проговорил коронер.

– Тогда я продолжу. Когда мы сделали все, что требовалось, я попытался связаться с каким-нибудь другим врачом. Все местные терапевты оказались либо заняты, либо в отъезде, но наконец мне удалось дозвониться до доктора Филд-Инниса из Верхнего Квинтерна. Он любезно приехал сюда, мы вместе провели дальнейший осмотр...

– И пришли к выводу?

– Пришли к выводу, что она скончалась от передозировки. Сомнений в этом не было никаких. Мы обнаружили три полурастворившиеся таблетки в гортани и одну на языке. Должно быть, она брала в рот сразу по несколько таблеток – четыре или пять – и потеряла сознание, не успев проглотить последние.

– Доктор Филд-Иннис здесь, не так ли?

– Да, здесь, – ответил Бейзил с легким поклоном в сторону доктора Филд-Инниса, который нетерпеливо ерзал на стуле.

– Большое спасибо, доктор Шрамм, – сказал коронер с явным уважением.

Настала очередь доктора Филд-Инниса.

Верити заметила, как он поправил очки на носу и откинул голову назад, чтобы найти лучший ракурс зрения, как делал обычно, выслушав пациента. Доктор вызывал симпатию, поскольку в нем не было ни капли надменности. Особо энергичным его нельзя было назвать, но это был добросовестный, хороший человек. А в данный момент, отметила про себя Верити, явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Он подтвердил все сказанное Бейзилом Шраммом о состоянии комнаты, положении тела и выводах, которые они сделали совместно, а от себя добавил, что удивлен и шокирован этой трагедией.

– Покойная была вашей пациенткой, доктор Филд-Иннис?

– Она консультировалась у меня около четырех месяцев назад.

– По какому поводу?

– Она неважно чувствовала себя и испытывала нервозность. Жаловалась на бессонницу и общую возбужденность. Я прописал ей легкий барбитурат. Но *не тот* транквилизатор, который она приняла в роковой вечер. – Он немного поколебался. – Я предложил ей пройти общее обследование.

– У вас была причина предполагать у нее нечто серьезное?

Последовала более долгая пауза. Доктор Филд-Иннис посмотрел на Прунеллу. Она сидела между Гидеоном и Верити, которая весьма неуместно подумала, что блондинкам, особенно таким хорошеньким, как Прунелла, скорбь очень к лицу.

– На этот вопрос, – сказал наконец доктор Филд-Иннис, – нелегко ответить. Думаю, были некоторые симптомы – очень, впрочем, слабые, – в которых следовало разобраться.

– Какие именно?

– Микроскопическая дрожь в руках. Разумеется, она не бросалась в глаза. И еще – это трудно описать словами – некое особое выражение лица. Должен подчеркнуть, что все эти симптомы были очень слабыми и, вероятно, случайными, но что-то подобное я встречал раньше и считал, что не следует оставлять это без внимания.

– О чем могут свидетельствовать подобные симптомы, доктор Филд-Иннис? Об ударе? – рискнул предположить коронер.

– Не обязательно.

– О чем-то другом?

– Со множеством оговорок можно сказать, что вероятно – только лишь вероятно – о болезни Паркинсона.

Прунелла издала странный звук – то ли вскрик, то ли вздох. Гидеон взял ее за руку.

– И пациентка последовала вашей рекомендации? – спросил коронер.

– Нет. Обещала подумать. Но больше ко мне не приходила.

– Она знала, что вы подозревали...

– Нет, конечно! – громко воскликнул доктор Филд-Иннис. – Я ничем не дал ей понять.

Это было бы в высшей степени непрофессионально.

– Вы обсуждали это с доктором Шраммом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.